

Липецко-Белоземля епархия

ЗАДОНСКИЙ ПЯТОУГОЛЬНИК

№ 36 2004 г.

По благословению епископа Липецкого и Белоземля Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Отвѣтъ любопытствующаго, что делается въ том или другомъ мѣстѣ; озабоченъ узнику, при помощи слова Божия, что делается въ душѣ грѣшн., къ какой ти идеши окончательной мѣли, къ погибели или къ спасенію, на какомъ пути ты находишься, на пути ли праведныхъ или на пути нечестивыхъ?

Святитель Тихонъ Задонскій

В НОМЕРЕ:

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОСЛАНИЯ

ГОСПОДЬ КРЕПОСТЬ ЛЮДЯМ СВОИМ ДАСТ...

Проводы епископа Липецкого
и Елецкого Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНЫ ЗАДОНСКОГО «Благодать Божия»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Из воспоминаний о священнике Веталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ

Из бесѣдъ съ Кавказскимъ пустынноикомъ
«О богатствѣ и бедности»

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Заповѣди блаженства

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Архимандритъ Исидоръ (Витогородъ)

СВЯТО-ТРОИЦЬСКИЙ ТИХОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Часть 6

В ОБЩЕНИИ СО СТАРЦАМИ

Рассказываютъ паломники

ИИСУС ХРИСТОС В САДУ ГЕФСИМАНСКОМ

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАУТРЕНЯ

Ангелы Божии

Учима въ вѣстѣ с дѣтми

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Богъ милосердный еще зоветъ всехъ: полно уже горнѣться за временными и земными; поспѣшай скорѣе на невеселую эту вечерю, гдѣ Богъ видится лицомъ къ лицу, и отъ Того, какъ отъ Источника животворящаго и приснотекущаго, прористаетъ всякое утѣшеніе и наслажденіе, и всерадостное восклицаніе.

Святитель Тихонъ Задонскій

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Александра II

Возлюбленные о Господе Пресвященные собратья архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, иноки и инокини, братья и сестры во Христе — верные чада нашей Святой Православной Церкви!

Сердечно приветствую каждого из вас такими долгожданными и такими неизнеуверждающими словами:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Совершив очистительный подвиг Великого поста, вновь являет Церковь наша, воспевая воскресшего из мертвых Христа Живоначала. Будем же хранить в сердцах добрые плоды наших посланных трудов во Святую Четырнадцатину, дабы праздновать, по слову святого Апостола Павла, «не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опрошенною чистоты и истины» (1 Кор. 5, 8).

Воскрес Спаситель — и ничто уже не может поколебать нашей веры в благодать Божию, надежды на спасение, любви друг ко другу. Победены зло и грех, открыто Небо, дана людям всецельная благодать Божия — и души наши уже не тонут в море мирских забот, печалей и тревог, исчезают пражда и разделение.

Свет Христова Воскресения озаряет наши сердца, выгоняя из них тьму неведения и несовершенства. В этом свете мы познаем милость и любовь Всецельного Господа. И дай Бог, чтобы, однажды познав свет Христова, мы всегда были его достойны, никогда не уташала в наших душах отблески сияния славы Божией.

Дорогие мои! Пусть светлыми нашей веры ярко светит всем, кто идет истину и смысла бытия, кто жаждет Божественной любви и благодати. Выйдем к людям с проповедью Христа Воскресшего, с делами добра и милосердия, помня заповедь Господа и Спасителя нашего: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они увидели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16). Будем исполнять наш

Крестом Твоим упразднил еси, юже от древа клятвы; погребением Твоим умертвил еси смерти державу; востанием же Твоим просветил еси род человеческий.

Сего ради вопием Ти:
Благодетелью, Христе Боже наш, слава Тебе.

*Стихора на «Господи, воззвах»
за великой вечерней в Неделю Святой Пасхи*

христианский долг служения ближним, особенно стараясь наполнить светом Христовым жизнь наших семей, малых домашних церквей, в которых возрастают наши дети. Будем учить и воспитывать их на примерах святых угодников Божиих, во множестве просиявших в Отечестве нашем, ведь по их молитвам много раз отступали от него беды и разделения.

Будем же и мы делиться друг с другом светом и теплом нынешнего торжества. Принесем их туда, где не знают Бога, где дарят духовный мрак и холод. Простетим и согреем тех, кто сегодня страдает от бедности, болезней, войн, преступлений. Обратим пасхальное приветствие к людям других исповеданий и убеждений, помня, что нам надлежит вместе с ними создавать лучшую жизнь. Будем трудиться ради духовного и материального возрождения общества, ради того, чтобы свет Христова озарял всю нашу жизнь.

Направляю свое приветствие иерархам, клиру и пастве Русской Православной Церкви Заграницей, с которой мы взаимно стремимся к восстановлению общения и единства. Разделяю пасхальную радость со всеми, кто ныне — на Востоке и Западе — в один день празднует Светлое Христово Воскресение. Еще раз от всего сердца приветствую вас, возлюбленные мои, вечно живыми, жизнеутверждающими словами, прозвучавшими более двух тысяч лет назад как знамение упования и надежды:

**ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!**

АЛЕКСИЙ
Патриарх Московский и всея Руси
Пасха Христова 2004 года
Москва
(печатается в сокращении)

Возлюбленные о Господе пастыри, иноки и инокини, братья и сестры и все боголюбивые жители города Липецка и Липецкой области. Сердечно поздравляю вас с великим праздником Светлого Христова Воскресения и приветствую пасхальным приветствием:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Образ воскресшего Христа окружен светлым сиянием светоносной благодати, поправляющей и сокрушающей ад и даровавшей нам, падшим, прощение и спасение через искупительную жертву и воскресение. Как Бог избавил евреев от египетского рабства, так и «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Эту дивную и хвалебную песнь о воскресшем Христе, простирающем руку падшему человеку, восстанавливающему всех из гроба греха, смерти и ада, мы с великим ликованием и радостью воспеваем в эти пасхальные дни, как воспевает ее вся земная Церковь, так и небесная.

«И как солнце, восходя, всю поднебесную освещает, всех радостотворит и согревает, — говорит свититель Тихон Задонский, — так и Христос, восстав из мертвых, всю вселенную просветил... сердца всех согрел и возвеселил» (Духовный посох).

Поэтому, когда сердце человека и разум его озаряется светом Христова воскресения, тогда он сам излучает благодатный свет, и многие стремятся к общению с ним, чтобы от этого общения погасить неверие, озлобленность, внутренний раздор и вражду.

И чем больше человек погружается в жизнь Церкви, тем больше он осознает жизненно, а не теоретически обилие славы Христовой.

Сейчас мы переживаем тяжелое, смутное время. Рухнула богоборческий режим, но все сильное и сильное углубляется нравственная и духовная опустошенность народа. Полчища коварных демонов насылаи и навалили, разврата и вседозволенности, оккультными и эресей ринулись на Русскую землю. И устоит ли страна, забывшая древнее христианское благочестие, против этого темного нашествия? И не ухищрения полгитов, и не расчеты экономистов еще удерживают Россию, находящуюся на краю гибели, а наша мо-

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Липецкого и Елецкого
НИКОЛА

«Ибо как солнце сие чувственное
нисходит и восстает, так и Христос,
явившись на земле и совершив
великое дело нашего спасения, нисшел
во гроб и вновь восстал»

Свититель Тихон Задонский

литва, наша вера, догматы Воскресения Христова. Наша Церковь, глава которой — Христос, осуществляет свое спасительное служение в мире через церковные таинства и иные священные действия. Наш христианский долг — участвовать и призывать других в Церковь, как лечебницу, в которой мы, исповедуя свои греховные недуги, получаем исцеление и обретаем непоколебимую надежду на спасительную силу благодати Божией.

Нужно войти за Божественной литургией в неслучайный день, погрузиться через причащение Святых Христовых Тел в новую жизнь нового творения, данную нам Воскресением Христовым.

Христианская Церковь и ныне есть место обновления «всего человека», она вечно являет миру познание Евангелия, потому что по существу своему Церковь — это всегда современная встреча Бога и человека, их причащение и общение в любви. В Церкви по слову Апостола: «иже преобразит тело смиренная наиста, яко быти сему подобно телу славы Его» (Фил. 3, 21), — подается содействующая благодать Святого Духа, без которой, по учению отцов, невозможно ни творение добра, ни тем более преобразование по образу Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа.

Дорогие и возлюбленные лица! Я вновь поздравляю всех вас с Пасхой Христовой и разделяю пасхальную радость в эти светлые дни Воскресения Христова, и желаю вам мира, здравия, спасения и во всем благого поспешения о Воскресшем Господе нашем Иисусе Христе!

Христос воскрес! Воистину воскрес Христос!

НИКОЛ
Епископ Липецкий и Елецкий
Пасха Христова 2004 года
Липецк

Господь крепость людям Своим даст...

«Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Свои миром» (Пс. 28, 11). В этих словах заключается великая тайна – и для каждого человека, и для общества в целом: Господь дает людям не физическую – духовную крепость, а когда человек духовно сильный, у него нет проблем.

Мы часто ищем эту крепость где-то и у кого-то, но не у Господа. Сходимся на разных форумах и заседаниях, чтобы определиться о мире во всем мире... Но наши усилия бывают напрасными, потому что мы собираемся не во имя Бога, а во имя человеческой славы, для того, чтобы устроить наше человеческое благополучие, получить богатство и все блага земные. А потому, несмотря на то, что мы выносим решение руководствоваться установленными правилами – все остается, как и было: в мире голод, войны, брат поднимает руку на брата, никто не помогает тем, кто имеет нужду в пропитании, все заняты только собой... И все рассыпается, потому что это деяние рук человеческих.

А Божие дело никто не сможет разорить. Во время революции коммунисты шли не против эксплуататоров, как уверяли, а против Бога. Но что они разрушили?

Только зданию в ярости смогли разорить, а Православие, нашу веру мы уничтожить не удалось. Имя Господа нашего Иисуса Христа прославляется везде и всюду... Господь сказал: *«Созидую Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16, 18). Люди восстали против Господа, вели атеистическую пропаганду, проповедовали антихристианские учения. Сколько было пролито крови, сколько уничтожено людей, которые исповедывали Христа... В первые века не было столько кровопролития, как в годины советской власти! Но Господь сказал: *«Созидую Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16, 18).

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

*Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь,
21 марта 2004 г.*

Так вот, дорогие, мы с вами – люди Божии, и Господь сказал, что даст нам крепость и пошлет мир.

Но, в то же время он говорил апостолу Петру: *«Сатана просит, чтобы сесть нас»* (Лк. 22, 31), – т.е. чтобы мы жили постоянно во вражде, соре, в разных испытаниях, искушениях. А выдержим ли мы эти испытания? Ведь в настоящее время враг рода человеческого – диавол не спит. Скорее, мы пребываем в бездействии. А противоположная сторона жаждет, чтобы пришел антихрист и обладал народами. Они не желают Небесного царя – хотя земного. И поэтому воюют против нас разными способами: разрушается отечественная промышленность, уменьшается количество рабочих мест из-за сокращения производ-

ства, падает рождаемость – в связи с тяжелыми материальными условиями жизни люди сейчас боятся иметь детей – как их воспитать, накормить, как поставить на ноги? И нет просвета вперед – одни обещания и программы... Через средства массовой информации нас стараются успокоить, пообещав построить хорошую жизнь. Но мы помним, как нам обещали построить земной рай, и никому сейчас не верим.

И это неверие вылилось не только в неверие к людям, но и к Богу. Часто мы приходим в храм, находясь в большом сомнении: а получим ли мы просимое? Думаем: «Если бы Богу было угодно, Он давно дал бы нам хорошую, сытную, счастливую жизнь. Но как Он может дать мне такую жизнь, если и у глубоко верующих людей, даже у пастырей Церкви ее нет?» И это неверие красной нитью проходит по жизни почти каждого человека. Это самое страшное, когда люди теряют веру в Бога, в то, что мы можем спастись, в наследие будущей Вечной Жизни. И мы начинаем безвольно, расслабленно, безысходно владеть свое существование. Наши побуждения к труду, к молитве, к добрым делам угасают: мы редко ходим в храм, и по дому, по хозяйству что-то делаем так же изредка – разве что если кто-то нас заставит. Мы не то, чтобы облезли, а чувствуем безысходность нашей жизни: обещанное руководителями остается лишь обещанием, нам предлагают что-то сделать, и мы пытаемся – опять же ничего не получается, ничего мы не достигаем... А все потому, что мы хотим, чтобы Бог дал нам манну небесную, и мы были бы довольны, сыты и счастливы. Но вспомним, что евреи, которых Господь питал манной, сорок лет шли по пустыне в зное и лишениях. А мы хотим получить все даром. Мы не понимаем, почему Господь нам не помогает, не дает мира в жизни, мы посто-

жано в волнении — переживаем о завтрашнем дне, о хлебе насущном... А Господь говорит: «Если ты будешь класть веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: перейди отсюда туда; и она перейдет; и ничего не будет невозможно для вас» (Мф. 17, 20). А мы просим, внутренне сомневаясь в том, что Бог нам что-то даст — Сам или через людей.

Но «Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром». Никто — только Господь. Будем же стремиться к Богу. А наше стремление пусть пролегалает через молитву, добрые дела, через храм, через пост, послушание, надежду, веру... И самое главное: любовь. Любовь к Богу и ближним. Потому что Гос-

подь сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем и и ближнего своего, как самого себя» (Лк. 10, 27). Будем же стараться как-то выразить эту любовь: если есть возможность — материально, если нет — духовно: через молитву ю Господу о помиловании, об исцелении, об устроении жизни наших ближних. Аминь.

Благость и человеколюбие Христова непобедимо никакою злобою. Знал Христос Господь наш, что Ему имеют делать неблагодарные Бже люди; но однако ж пришел к ним, пришел спасти их, пришел изыскать их погнанных, пришел призвать и привести их к Небесному Своему Отцу.

Отсюда позная, человеке, кодь великое богатство благодати Божией, что человека отверженного и окаянного в Сыне так возлюбил и прекознес, яко чем более человек обезчестился в себе, тем паче во Христе Сыне Божием, по Божно человеколюбиво, вознесен.

Бог по богатству благодати Своей всем грешникам, кающимся и верующим во имя единого родного Сына Бже, открыл двери милосердия и вечного влаженства.

Благость Божия есть, что мы еще не погнали, что мы еще живем в свете и можем благодатию Бже спастися, яко так «благость Бже на покаяние нас ведет». От сей благодати Бже происходит, что Он так любезно и благоприятно нас на

Нискогда забывшая
Тихона Задонского

БЛАГОСТЬ БОЖИЯ

покаяние зовет и тако благодсть Свою на нас изливать и вечного влаженства участниками нас согкорить хочет. Сам Христос пресладкими Своими словами привлекает к Себе: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененни, и аз упокою вы» (Мф. 11, 28).

Человек, во грехах живущий, грехами, как узами, духовно связан, и, как пленник, от сатаны содержится, и при вратах адových душою своею имеется, хотя он того, яко ослеплен, не чувствует. Но благодсть Божия на покаяние ожидающая его не попускает душу его сатане во ад восхитить. А когда от грехов благодатию Божиею отстанет и кается, от уз тех освобождается и благодатию Христовою свободна делается, якоже Христос глаголет: «Аще сын вы свободит, вонстину свободни будете» (Ин. 8, 36), и от врат смертных воззвиздается, и к числу спасающихся

приходит. Чего ради всегда ему должно прежнюю свою веда и сню великую милость Божно помнить и усердно Богу благодарить за то, что от той веда его избавлен.

О вечное сокровище! Коль Ты дорогое, неоцененное, ни с чем несравненное, паче всего мира блаженнейшее, сладчайшее любвциям Твоим душам! В Тебе они все находят, чего любители мира в мире нищут; все находят, но несравненно лучшее. В Тебе находят богатство, честь, славу, покой, мир, утешение, радость, сладость, — и несравненно большее влаженство, нежели весь мир в себе имеет. Так дорогое и высокое добро есть Бог, яко несозданное, присносущное и вечное, от Которого, яко от источника, всякое добро пронстекает, какое ни есть и может быть. Но от любителей мира сего презирается и пренебрегается!

Бог для душ есть все: покой, пища, слава, утешение и все влаженство, которым тогда удовлетворится, когда слышет Бже.

еще мне запомнился такой случай. Приехала одна раба Божия, кажется, с севера. Не помню, как ее звали. Скажем, Люба. Мы все ее очень полюбили. По характеру она была ровной, даже холодной, можно сказать, «северной». И сторонилась отца Виталия, не могла подойти к нему. Все время сидела где-то в стороне, за нами. Он долго не мог ее к себе приблизить. Мы и раньше такое наблюдали, уже встречали подобное. И вот он, чтобы привлечь ее к себе, когда что-нибудь рассказывал, все время смотрел на нее. Начинать обычно с погоды: «Какая сегодня погода – вы все обратили внимание? Мать Люба, – и на нее, – ты обратила внимание?» Она аж вздергивалась, когда он называл ее имя. Говорит: «Да, Батюшка, обратила». Отец Виталий продолжает: «Ну хорошо. Подумайте, какая погода была с утра, а какая сейчас – днем?» Потом еще что-то расскажет – какой-нибудь случай интересный или сказочку. Смотрим – она уже смеется, уже сущость от нее отходит, она становится как-то ближе, ближе к отцу Виталию. Но все никак не может подойти, про себя ему рассказывает.

Однажды благословили нас в храм на вечерню, и Любу с нами. Идем мы из метро до храма, а надо было пройти довольно-таки большое расстояние, и всю дорогу с ней разговариваем:

– Мать Люба, мы про себя все рассказывали отцу Виталию. Все-все...

– Как? И вы не стеснялись? И все рассказывали?

– Да.

– Да это ж как стыдно!

– Ну и что. Да и Вы расскажете, мать. Вам так легко станет! Мы видим, что Вы что-то таите. Расскажите ему, не бойтесь!

Видно: она стоит на службе и все о чем-то думает, думает. Вечером Батюшка нас в келье всех отдельно посповедовал. Не знаю, что она там ему говорила, но, видно, не открылась.

А утром собираемся мы в храм, переодеваемся, вдруг эта Люба вбегает к нам – как упадет всем в ноги! По одной делует, то другой обнимает!

– Что такое? Мать Люба, что с Вами?! Что случилось?

ЧТОГОСЬ БОЖИИ

Блаженной памяти
схиархимандрита
Виталия посвящается

Блиц 8 Из воспоминаний духовного чада (часть 3)

– Вы мой спасительницы, вы мой матери!

– Что с Вами, мать Люба?

– Да я все думала! Да вы знаете, какая я блудница! Да у меня такая работа... Да вы знаете, как мне стыдно! – а сама плачет навзрыд.

Мы ее поднимаем:

– Мать, мать! – мы так рады за нее, что и сами плачем. – Да идите вот это все рассказывайте отцу Виталию! Идите!

– Правда? Правда?

– Идите!

Она пошла. Мы молились за нее, чтоб она все-все выложила. Выходит оттуда – мы ее не узнали! Все просто остолбенели: как глянули на нее – она вся прямо светилась! Она все открыла отцу Виталию. И когда она уезжала – это был самый дорогой человек для отца Виталия и для всех нас. Мы плакали, на колених ее все провожали, и она тоже плакала! Вот так Батюшка молился и помогал душам открываться.

А еще отец Виталий нас поднимал. Как ребенка поднимают, так и он нас поднимал. Это значило поднять духовно. Как-то собрал он нас вечером и рассказывал поучение. Мне нужно было выйти и я спросила: «Батюшка, можно я выйду?» Он отвечает: «Ну, иди». Я вышла, а он в это время, оказывается, одной рабе Божией говорит: «Давай я тебя подниму». Она: «Нет-нет! Что Вы?! Я полная, Батюшка, а Вы такой большой». В это время я захожу и слышу, что она отпирается. Думаю: «Наверное, какое-то дело», – и не обращаю на это внимания. Села на свое местечко. А та сестра говорит: «Лучше Надю, Надю, – и на меня показыва-ет. – Она молоденькая, худенькая –

она легче». Батюшка еще переспросил: «Ее?! Ну, раз Вы, мать, благословляете... Иди сюда», – на меня. Я встаю со своего места, подхожу на средину. Он берет меня за талию и поднимает выше себя. Поднял, опустил, и я села на свое место, как будто ничего не произошло. Для меня нового ничего не случилось – я видела, как раньше он поднимал других сестер.

А потом как-то слышу – Батюшка говорит: «Если подымают – это подымают духовно. Меня, например, поднимал отец Андроник. Он такой маленький был, худенький, шустрый, большой, а меня – такого высокого парня – подымал». Я думаю: «А, вот оно в чем дело! Знаю, он хотел поднять ту мать, а подумалось, что меня».

Отец Виталий много раз всех и каждого просит: «Ну, побейте меня, побейте!» Прямо настаивал. Ко мне тоже очень много раз подходил:

– Мать Надя, ну побей меня. Ну, удари, удари.

– Нет, Батюшка. Ну как я Вас могу ударить?

Как-то осталась мы с ним вдвоем: я сидела на полу, а он лежал – ему было плохо. Он говорит:

– Мать Надя, побей меня!

– Ну, да: Вы совсем большой и еще Вас бить!

– Ну, побей.

– Нет, Батюшка, – на колених подошла к нему: – Батюшка, я не могу. Вы такой большой.

– А как же ты будешь подвиг нести? – как так глубоко посмотрел мне в глаза...

Оказывается, это все имело еще и духовную сторону, а мы не понимали.

Как-то сидели мы втроем: Батюшка, я и еще одна сестра – врач по образованию. Был март или апрель, а отцу Виталию кто-то достал и привез вишню – у него был очень низкий гемоглобин. Батюшка говорит той сестре:

– Покушай вот эти вишни, мать, покушай.

– Нет, Батюшка. Я ж как врач, знаю, что они Вам нужнее.

– Ну, поешь! Я тебе благословляю – съешь.

– Нет, Батюшка, простите. Я ведь более здорова, чем Вы.

Он ее долго уговаривал – она отказалась. Батюшка говорит: «Ну, покалещи».

Когда она приехала домой и рассказала это другим отцам, они начали ее сильно ругать: «Как ты могла не послушаться старца?!» Это все с духовной стороны надо было понимать, а мы понимали буквально.

Однажды приехали двое батюшек со своими матушками к отцу Виталию. Жили они в Тбилиси неделю. А вернувшись домой, рассказывали: «Так кормили нас, рассказывали – ну, как на убой! И торты с лебедями из крема, и яйца... И сколько мы там были, нас кормили, кормили и кормили!» Кажется, тогда сплошная неделя была. А потом, когда эти батюшки возвратились домой, такие скорби на них посыпались, что они говорили: «Если бы нас отец Виталий тогда так не кормил, мы бы это все не выдержали».

Через отца Виталия проходило столько всего – подарок, продукты... «Но я ни одной конфетки не съел», – сказал он. Мы, конечно, этому были очень удивлены.

Матушка Мария, очень мудрая и опытная, все время держала меня возле себя. Знала, что дома я не очень любила готовить, поэтому как кого на кухню, так сразу меня. Я все время роптала в душе, думала: «Все к отцу Виталию слез за наставлениями, а я постоянно на кухне! Можно же и мне хоть раз послушать Батюшку?!» Но матушке не говорила – было стыдно.

Как-то всех благословили в храм на службу. Я думаю: «Давно не причащалась – надо готовиться!» И собралась читать правило по причащению. А матушка Мария говорит:

– Так, Надюшка, ты со мной на кухню пойдешь – ты же не будешь причащаться.

– Почему, матушка?!

– Ну, тебе ж нельзя?

– Почему нельзя? Матушка, я же так давно не причащалась! Я хотела правило читать.

– А! Ну, давай.

Потом снова что-то она делает и говорит:

– Так, Надюшка, пойдем со мной!

– Матушка, я ж буду правило читать!

– А, я забыла! Да, иди, читай.

И так три раза. Потом начинаю читать, вышла по нужде, возвращаюсь и говорю: «Матушка, я в нечистоте!» Она: «Как? Я ж тебе говорила, а ты мне не верила...»

Потом все пошли в храм, а меня оставили с отцом Виталием. Он говорит: «Давай, ты будешь хор, а я – батюшка, и мы с тобой будем служить всенощную». А я как засмеюсь, говорю: «Какой я хор?!» Ко-

“Иждиво о Пресветей...” – икона Божией Матери, которая висела в келье отца Виталия. При посещении владыка Зеновий и отец Виталий благословили фотографировать с этой иконы.

нечно, ему было со мной очень трудно – я тогда в уставе мало разбираюсь. Знаю только, что мы с ним в тот день служили чин литии – я 40 раз «Господи, помилуй!» читала. Батюшка мне чуть ли не пальцем показывал, что и как читать и сколько раз. Говорит: «Ты хор – читай!» Потом: «Ты не так читаешь – вот так надо». Я стесняюсь, смеюсь. Он говорит: «Ну что ты смеешься? Иди сюда». Берет меня и поднимает – это уже второй раз. Потом, когда мы с ним все вычитали, смотрю – он уставший-уставший! Поглядел на меня и говорит: «Иди сюда». Я подошла к нему, он меня снова поднял...

Однажды в конце утреннего правила чувствую: будто что-то с левой стороны на меня жмет, как кто-то сел – так мне тяжело. И что чи-

тают – ничего не пойму. Потом слышу, как сзади на коленичках подходит отец Виталий и сильно-сильно дергает меня за плечо. И сразу у меня как бы просветление наступило: Кончили читать молитвы, мы встаем, и каждый подходит к батюшке под благословение. Смотрю – ему так плохо: он все ТО взял на себя. Посмотрел на меня внимательно и говорит: «Как у меня болит голова!»

У меня на пальце левой руки была бородавка. Когда я приехала к отцу Виталию, то как-то ему пожаловалась: «Батюшка, мне так тяжело работать: я свою бородавку постоянно задеваю, и у меня постоянно кровь. Неудобно перед людьми». Он спрашивает: «А где бородавка?» Показываю: «Вот тут». Он ее перекрестил, и я забыла про нее. Приехала домой, вышла на работу, проходит какое-то время, и тут я вспоминаю: «Где ж моя бородавка?» Она у меня исчезла.

Когда мы приезжали к Батюшке, то, конечно, привозили ему очень много скорбей. Ему было плохо после нас. Тогда он ложился, и кто-то из сестер массажировал ему ноги – стопы. У меня всегда было желание тоже посидеть возле него и помассажировать. Но матушка не допускала: «Что? Молодые? Нет, нет, нельзя!» Это разрешалось только матушкам в годах. Но пришло время и нам, молодым, тоже стали разрешать. Сначала, конечно, у меня не получалось. Батюшка показывал, учил. А потом, по милости Божией и по его молитвам вроде бы пошло. Иногда я, бывало, уже уставшая была, а матушка: «Надюшка, иди, помассажируй ноги отцу Виталию!» И вот сижу возле него, а мысли-то летят всякие. Начиная бороться. А он все это духовно видит, но делает вид, будто спит. Потом как вскопич, говорит: «Белая мать Нади: 120 килограмм – две ноги! Одна нога – 60 килограмм и другая – 60. А я, как кабан разлежусь! А она трудится!» Говорю: «Батюшка, простите меня: у меня вот такие и такие мысли». Он говорит: «А бороться надо».

Батюшка всех называл «мать». Даже девочка восьми лет как-то к

нему приезжала – он и к ней так обращался.

Сели мы однажды кушать, а отец Виталий говорит: «Мать Надя, а я две операции перенес!» Я говорю: «Правда, Батюшка? Ой, как тяжело Вам было!» Он глубоко-глубоко посмотрел и ничего не сказал. А впоследствии я перенесла две операции – оказывается, это он мне предсказал.

Отец Виталий каждый день пил, как он говорил, яд – пенсин. Толок таблетку и смешивал ее с водой. Однажды спрашивает у меня: «Мать Надя, хочешь яда выпить?» Я недоуменно: «Батюшка, я не знаю. Как благословите». Он подает свое лекарство: «На, попробуй, что я пью каждый день». Я отпила: ничего особенного – обыкновенная водичка, чуть-чуть там что-то с горчинкой. Говорю: «Да вроде бы ничего». Он говорит: «Вот это я пью каждый день».

Несколько лет спустя после операции я стала ежедневно пить лекарство и вспомнила этот поступок отца Виталия. Получается, что я теперь тоже ежедневно употребляю яд.

Однажды Батюшка лежал – ему было совсем плохо. Потом подымается еле-еле и говорит: «Как у меня вот здесь болит!» – начиная от шеи до живота. – Но ты никому-никому не говори».

А теперь у меня там болит: половины кишечника у меня нет. Батюшка предсказывал, но я тогда еще не думала, что мне предстоит операция.

Однажды пришлось мне вместе с отцом Виталием кушать из одной миски. Мне очень хотелось есть, а еще ничего не сварил. Только отцу Виталию налили оставшегося борща, а остальные, мол, подождут. Он меня зовет: «Мать, иди сюда. Сядь со мной кушать». Я говорю: «Батюшка, да я не хочу», – а самой так хочется! Но изю всех сид откладывавшаяся. Батюшка говорит: «Сядь, садись. Бери ложку...» Пришлось мне кушать. Ели мы с ним деревянными ложками из маленькой железной мисочки.

Когда мы садялись кушать, он во время обеда всегда старался нам сказать какие-то поучения. Матушка Мария роптала на него за это: «Ты задержишься. Ведь один поел, а другие ждут», – потому что все сразу за стол не помещались, и приходилось кушать «в две смены». Батюшка говорил: «Сколько я хочу вам рассказать и про это, и про то!.. А сестра Мария всегда меня подгоняет, не дает. А сколько же мне надо вам рассказать...»

В беседах Батюшка рассказывал нам обо всем: с благоговением вспоминал о жизни в пустыне, о старцах,

ния пошла и тихонько его закрутила. Отец Виталий как ни в чем не бывало продолжал беседу, но после сказал: «Что ты сделала?! Если бы ты видела, кто тебя поведет туда, ты бы упрямилась всеми силами...»

Батюшка рассказывал, как отец Андроник благословил его съест полведра каши: «За послушание ел, запикивал. Я ее туда – она обратно. С трудом, но все съел. А после этого надо было еще в храм убирать. Еле дошел до церкви, глянул, сколько работы и забыл о каше: стал быстро наводить порядок. Когда сел отдохнуть – вспомнил: «А где же моя каша?!» Вот как по послушанию!»

Владика Зинюв дал большое отцу Андронику послушание. Дежурили – по неделе каждый. Пришла очередь брата Виталия. Батюшка рассказывал: «Сварил я уху. Тарелку ему – тарелку себе, кусок рыбы ему – кусок рыбы себе. Сели кушать – отец Андроник сразу же свой кусок рыбы мне в тарелку. Я безпрекословно отвечаю: «Благословите». Две ложки ухи он съел и мне отодвигает: «Доешь». Я не прекословлю, хотя знаю, что он очень больной и ему это требуется. Постеляю отдыхать: ему – на топчанчик, себе – на рогоже на полу. Отец Андроник: «Бог благословит: ложись на постели». А сам лег на полу. Я слушалась, не прекословил». Когда к отцу Андронику приехал Владика и спросил: «Иду, как послушники?» Тот ответил: «Из всех послушников только один послушник: брат Виталий».

Иногда Батюшка скажет что-нибудь смешное, а я в то время была еще совсем мирской человек – так смешно, что чуть не плашу! Самой стыдно, аж под стол прычусь. Говорю: «Батюшка, простите меня. Я себя и щипаю, и кусаю, чтобы только не смеяться – ничего не помогает!» А он говорит: «Да это детство – это все пройдет». А у самого, смотрю: слеза. Сколько раз я видела эту слезу! Батюшка вроде бы рассказывает что-то смешное, а сам смотрит на каждого – и потихоньку плачет. И так незлобно получилось, что и мы тоже, смотря на него, плакали.

*Осуждать, роптать нельзя,
от этого уныние и всякие мысли
плохие, а надо всех любить.
Родителей надо слушать, не
прекословить, целовать руки,
брать благословение.*

Из писем схиигумена Виталия

учил нас духовной и мирской жизни, предсказывал, что ожидает впереди, но говорил не конкретно каждому, а в притчах или сказочках. Аккуртно обличал человека, беря его грехи на себя, или будто рассказывал про кого-то другого. Но те, кого это касалось, понимали, что Батюшка говорит про них.

Было не раз замечено: если отец Виталий решил сказать что-то важное, ему обязательно начинали мешать. Батюшка хотел, чтобы мы как губка впитывали в себя каждое слово, но тут непременно начинался невообразимый шум: внизу проходили поезда, неподалеку гудела автобусная станция, над нами пролетали самолеты, по улице проносились машины, у себя во дворе что-то кричали соседи, начинались частые звонки в дверь, маукала кошка, а мы на все это отвлечались и слушали невнимательно.

Однажды мы сидели во дворе, и Батюшка как всегда что-то рассказывал. Долгое время в кране не было воды, как вдруг она закручалась. Естественно, шум мешал, но никто не решился взять благословение, чтобы закрыть кран. Без благословения Батюшки мать Иулиана

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынноиком

О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ

Вопрос: Порой просто удивляешься тому, насколько человек изменчив. Знаешь человека, допустим, много лет. Потом он становится человеком состоятельным, влиятельным. Встретившись с ним через некоторое время, видишь в нем какие-то изменения. А если проходит еще лет 5-10, встречаешься с ним и просто самому себе не веришь – насколько человек изменился. Внешне вроде бы один и тот же, а внутренне стал совсем другим. Почему так происходит?

Ответ: Для того чтобы было более понятно, в чем это изменение проявляется, возьмем для примера житие праведного Евология-каменосеца, которое описано в Отчнике в житии преподобного Аввы Даниила.

Евологий был каменосецем и проводил добродетельную жизнь: ежедневно выработывал златницу, вечером на эти деньги покупал нищу, созывал странников, нищих, сирот, убогих, кормил их и вместе с ними вкушал сам. На следующий день опять трудился, получал златницу и снова употреблял ее на нужды бедных.

Однажды к нему пришел авва Даниил и, видя такую добродетель, подумал: «Этот бедный человек питает каждый день столько нищих! Что бы сделал он, будучи богатым?» И начал просить Бога, чтобы Господь послал Евологию богатство. Господь долго не исполнял его просьбу, а потом дал вразумление, что Евологию это не полезно. Но авва Даниил продолжал молиться. И тогда Господь исполнил его настоятельную молитву. Как-то раз, работая в каменоломне, Евологий обрел большой клад. Ночью, тайком от всех, он вывез его к себе домой, и нико-

му ничего не сказав, удалился в Царьград. Там он дал большие взятки приближенным царя, сделался богатым вельможей и начал проводить мирскую греховную жизнь...

Когда авва Даниил узнал об этой беде, то отправился в Царьград, разыскал дом Евология и начал про-

Старец Даниил и вельможа Евологий

ситься, чтобы тот принял его для беседы, но получил отказ. Тогда авва Даниил поселился на улице прямо у ворот дома и начал дожидаться удобного случая, чтобы увидеть Евология. Но Евологий в гнев послал своим слугам избить старца. Авва Даниил находился в большой скорби и с сильным плачем молился Богу, чтобы Он избавил душу Евология от погибели. По прошествии некоторого времени в Царьграде случился государственный переворот. Евология, как бывшего царского приближенного, хотели убить, но ему удалось тайно бежать. Тогда он осознал свое погубительное положение, раскаялся в содеянных грехах, возвратился на прежнее место жительства и начал

проводить прежнюю небогатую, но добродетельную жизнь.

Вот на этом примере мы можем видеть, насколько богатство, слава и власть изменяют человека.

Вопрос: Но как же могло случиться, что человек, утвердившийся в добродетели, так резко изменился в худшую сторону?

Ответ: В Псалтири мы читаем: *«Грехопадениа кто разумает? От тайных мовх очисти миа и от чуждых пощади раба Твоего. Егда не обладают мною, тогда испрошен буду и очистишася от греха велика»* (Пс. 18, 13-14). Мы не знаем, как диавол может обольщать душу, и не знаем Промысла Божия о каждом конкретном человеке. А потому, если рассуждать на эту тему, можно ошибиться. Но если все-таки попытаться рассудить, что же произошло с Евологием, то можно предположить следующее. Ведь он большим богатством никогда не пользовался. Он покупал на златницу, что требовалось, и ничего до утра не оставлял. А тут вдруг... И потому он и не смог это богатство употребить так, как он привык использовать его раньше. Ну, просто не устоял перед соблазном, потому что это было не свойственно ему – распорядиться таким большим богатством. Так что здесь могла проявиться вполне естественная склонность, и наверняка имело место диавольское воздействие. И это все было предвидено в Промысле Божием, почему Господь ему больше златницы в день и не давал. И когда Даниил пришел, Господь не соглашался на его прошение, отвечая, что «это Евологию не полезно». Ну, а при настоятельной молитве Господь уступил и показал авве Даниилу, насколько он ошибается.

Так что мы должны предать себя в руки Божии, принимая от Господа творца жизни, какой Господь нам дает, ибо он для нас – самый оптимальный и самый спасительный. И, исходя из такого понимания, мы должны действовать сами и так же относиться к ближним.

Вопрос: А как же тогда понимать многие исторические факты, когда сочетались богатство и святость?

Ответ: Наличие богатства у этих людей не было связано с пристрастием к богатству. Они имели его, но имели не пристрастно, то есть они могли им распорядиться. Они употребили его не ради своего удовольствия и не с целью наслаждения, а искали (в большей или меньшей степени) других целей, других наслаждений: в Богоугождении, как, например, пророк Давид. Он получил богатство, стал царем, но, тем не менее, продолжал использовать богатство богоугодно.

Однако, как мы видим на примере того же пророка Давида – богатство его не изменило, а власть изменила. Он увидел жену Урии, соблазнился и своей властью послал Урию на явную смерть. Таким образом, власть толкнула его на преступление. Потому мы должны понимать, насколько человек **удобрекклонен к изменению** (в худшую сторону). Хотя, несмотря на то, что он пал, согрешил, он все-таки потом смирился, признал свой грех, покаяться... Псалом 50-й «*Помилуй мя, Боже...*» написан пророком Давидом именно после того, как его обличил пророк Нафан.

Но попутно стоит обратить внимание на еще один важный момент духовной жизни – насколько мы должны понимать глубину нашего человеческого падения. Давид, будучи пророком, избранным Божиим, о котором Господь сказал «обретох мужа по сердцу Моему», тем не менее, пал. И когда он согрешил, то был в таком нечувствии, что некоторое время не осознал своего греха. И Господу потребовалось послать пророка Нафана, который обличил его в содеянном беззаконии. И тогда только Давид уже начал каяться. Так что мы, понимая это, должны смириться и помнить (относительно себя), какие мы **удобрекклонны** ко греху. Относи-

тельно же ближних – великодушно прощать их.

В Житиях Святых есть много примеров, когда люди, имея богатство, угождали Богу. Но все это было

в рамках воли Божией. Если Господь выдedit, что человек способен обладать богатством или славой, или властью, что они не изменят его к худшему – такому человеку давался сей дар. В противоположном же случае сей дар не давался, как мы видим на примере каменосечца Евлогия. Здесь имеет очень большое значение предведение Божие. Потому мы должны сами себя и друг друга и всю жизнь нашу предавать **в руки Божии** и не рваться изо всех сил стать такими, какими **нам** хочется (иметь славу, власть, богатство и т. п.).

На рассматриваемую тему имеется хорошее рассуждение в книге Сергея Николаевича Большакова «На высотах духа». Эта небольшая по объему книга представляет собой беседы с монахами и мирянами, сделанные Иисусовой молитвой, записанные С. Большаковым в первой половине XX века. Приведем небольшой отрывок из беседы автора с некоей рабой Божией Ниной.

«... Я сидел с Ниной Николаевной на балкончике лесной дачи в Нерко-ерви, среди громадных лесов, тянувшихся от Куомино на юг, к тундрам Лапландии...»

– У Вас так тихо, Нина Николаевна, словно на другой планете или триста лет тому назад, когда народу было

мало, не было ни железных дорог, ни автомобилей, ни аэропланов. Но и тогда люди, искавшие тишины, уходили дальше на север, на острова Ледовитого океана, в Соловки.

– Я здесь только и отдыхаю душой. Сергей Николаевич. Здесь нет ни города, ни леса, ни деревень. В большом городе жить так тяжело: шум, отравленный воздух, суета, многолюдность. А где люди, там всегда интриги, зависть, клевета и тому подобное. Когда я была молода, вся эта суета и шумиха мне нравилась. Впоследствии я приняла за настоящее. И, конечно, ошибалась. Мой первый брак был глубоко несчастен. Мой муж был красив и умен, но поверхностен, беспорядочен, без веры и принципов. Когда все это кончилось трагедией, я вернулась к вере. Я поехала на Валаам к отцу Иоанну спросить совета. «Знаете что, раба Божия, – сказал он, – не убивайтесь, что все развалилось и жизнь кончена. Вы молоды, и многое еще может измениться, а потом, Господь никогда не попускает испытание выше сил. Всегда это помните. Есть такое предание: некий монах очень огорчился тяжестью своей жизни и роптал, прося себе крест полегче. И раз видит он сон, будто он в большой пещере, все стены которой увешаны крестами. Были тут кресты золотые, серебряные, железные, каменные и так далее. И вот был ему голос: «Молитва твоя услышана: выбери себе любой крест по силе твоей». Монах стал искать с великим тщанием и нашел, наконец, маленький деревянный крестик. «Могу я взять этот крестик?» – спросил он. «Но это и есть твой крест, прочие еще тяжелее», – ответил голос. Вам кажется, что крест Ваш тяжел, а я, как Старец, такие слышу часто ужасы, что вам грех Бога гневить. Молитесь чаще, да хоть повторите молитву Иисусову и предайте себя воле Божией, и Господь Бог Сам укажет Вам путь, по которому идти; тогда придите ко мне, и я скажу, что сумею. И отпустил меня.

Прошло несколько лет. Я служила на скромном месте и жила тихо. Однажды пригласили меня на какой-то вечер, были даже танцы. И

Продолжение смотрите на странице 16

(Продолжение. Начало в № 22-35)

Ава Пимен говорил: как шарский оруженосец всегда стоит пред царем в готовности, так и душа должна быть всегда готова против демона блуда.

Ава Матой рассказывал: пришел ко мне брат и говорил, что злословие хуже блуда. Я отвечал ему: жестоко слово твое. Брат говорит: а для тебя как кажется это дело? Я сказал ему: хотя злословие худо, но оно скоро возвращается. Часто злословящий раскаивается и говорит: худо говорил я. Но прелюбодеяние по естеству своему есть уже смерть.

Ава Геронтий Петрасий говорил: многие некушаемые плотскими удовольствиями не совокуплялись телесно, блуднействовали мыслями и, сохраняя дество тела, блуднействовали душой. Итак, хорошо, возлюбленные, исполнять слово Писания и всяким хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23).

Мать Синкитикия говорила: мы, принявшие на себя такой обет, должны сохранять целомудрие совершеннейшее. И у мирян, по видимому, есть целомудрие, но вместе есть и не целомудрие, потому что они грешат всеми прочими чувствами: они и смотрят нескромно, и смеются безчино.

Некто спросил Аву Кира о блудном помысле. Он отвечал: если у тебя нет помысла, то нет и упования. Если нет помыслов, то есть дело. Это значит: кто не борется со грехом в уме и не востает против него, тот совершает его дело, кто имеет дело, на того не нападают помыслы. При этом старец спросил брата: не имеешь ли ты привычки беседовать с женщиной? Нет, — отвечал брат, — но мне приходит на мысль древние и новые живописцы. Памятники и изображения женщин возмущают меня. Старец сказал ему: мертвых не бойся, но бегай живых и чаще упражняйся в молитве.

НИГОНИА ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

В ИЗЪЯТЫХ И ДЕЛАХ СВЯТЫХ
ОТЦЕВ, ЖИВШИХ В 10 И 0 ВЕКАХ

**Слышасте, яко речено бысть древним:
не прелюбы сотворшии.**

**Аз же глаголю вам, яко всяк, иже
воззрит на жену ко еже вожделети ея,
уже любодействова с нею в сердца своем:
аще же око твое десное соблажняет
тя, изми е и верзи от себе: уне бо ти
есть, да погнбнет един от уд твоих, а
не все тело твое ввержено будет в
геенну. (см. Мф. 5, 27-30).**

**Всяким хранением блюди не одно только
тело твое от блуда, но и сердце твое от него.
Если же соблажняет тебя глаз твой, то твердо
решишься и не смотреть на лицо и предмет со-
блажняющие.**

**Помни, что душа и при дестве тела может
творить блуд, а ничто скверное не войдет в
Царствие Божие (Откр. 21, 27, Еф. 5, 5).**

Брат просил Аву Матой: дай мне наставление. Ава Матой между друзьями наставлениями сказал ему: не имей дружбы с отроком, не знайся с женщиной, не дружи с еретиком.

Ученик Аввы Сисоя говорил ему: отец, ты уже состарился: пойдем наконец в селение. Пойдем туда, — сказал ему старец, — где нет женщины. Где же нет женщины, кроме пустыни? — отвечал ему ученик. Ведя меня в пустыню, — сказал старец.

Ава Пимен говорил: если кто живет вместе с отроком и увлечется им к какой-нибудь страсти ветхого человека, но, несмотря на то, не удаляет его от себя, то он похож на господина, который владеет полем, пожараемым червями.

Ава Макарий говорил братьям о заустении Скита: когда увидите келью, построенную близ озера, то знайте, что близко заустение Скита; когда же увидите деревня — оно у дверей; когда же увидите отроков — берите свои милости и удаляйтесь.

Ава Едемон рассказывал об Аве Пафнутии, отце Скита. Еще будучи юношей приходил я к нему в Скит, но он не позволял мне там остаться, говоря: при себе никак не позволю жить в Скиту женскому лицу, дабы враг не попал.

Ава Макарий говорил: не спи в келье брата, о котором идет худья молва.

Ава Пимен говорил: что касается до блуда и злочерия, то человеку совсем не должно говорить о сих помыслах, и даже не думать о них в сердце своем. Ибо если кто захочет внимательно рассуждать о них в сердце своем, не получит пользы; а будет иметь покой, если станет удаляться от них.

Ава Иоанн говорил: одного телесного поста недостаточно для приобретения или сохранения чистоты целомудрия, если не будет предшествовать сокращение дуга и постоянное молитва против этого нечистого духа, потом продолжительное размышление о Священном Писании, и к этому будет присоединено духовное размышление, также труд и рукоделие, а прежде всего, если не будет в основание положено истинное смирение, без которого нельзя победить никакого порока.

Брат спросил аву Филिमона: много светлых мечтаний вижу я по время сна. Старец сказал ему: не ленись и не малодушествуй, но прежде чем заснешь, многие сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслам и покушениям дьявола водить тебя по воле своей. Сколько сил есть заботиться о том, чтобы засыпать с псалмами в устах и умным поучением.

(Продолжение следует)

Воспоминания детства

Жизненный путь отца архимандрита Исаакия (Виноградова), 86 лет его жизни – это целая эпоха: Первая мировая война, октябрьский переворот, гражданская война, чужбина, Парижский Богословский институт, 17 лет служения в Праге, тюрьма, десять лет служения в Николаевском кафедральном соборе Алма-Аты, Троице-Сергиева Лавра, 23 года служения в Вознесенском соборе Ельца...

Святейший Патриарх Пимен удостоил архимандрита Исаакия права служения Божественной Литургии при открытых царских вратах. Ему были пожалованы два ордена равноапостольного великого князя Владимира – II и III степени.

Самой же высокой для отца Исаакия наградой стали любовь и молитвы любящих и помнящих крестников и духовных чад, прихожан храмов, в которых он служил.

Скончался архимандрит Исаакий 12 января 1981 года, похоронен на городском кладбище Ельца.

Ныне множество паломников стекается к его могиле. Все служат ему панахиды, просят архимандрита Исаакия о помощи и получают душевное утешение, телесное исцеление. И примеров тому множество.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Много раз мои духовные чада просят меня изложить в письменной форме те рассказы о пережитом мною, которые при разных обстоятельствах во время дружеской беседы случалось мне вести, но недостаток времени не давал возможности изложить эту просьбу.

Теперь, в период выздоровления после тяжелой болезни, позволяю мнея некоторый досуг, и я решил употребить его на это. Если позволится христианину в конце каждого дня вставать все свои слова, мысли и чувства за этот день, изложить в том, чем он мог осмыслить Бога, и благодарить Его за все происшедшее в этот день, как радостное, так и печальное (так как и то и другое исходит от любящего нас Отца Небесного), то тем более полезно для души – скажу даже: прямо необходимо – от времени до времени проверять свою жизнь, вспоминая ее со всеми подробностями за определенные промежутки времени. Так принято делать, например, когда человек готовится к монашескому постригу. Это очень полезно еще и тем, что человек получает возможность почитать родных и настоящих своих, которые формировали его душу, и тем сотворить по ним духовную тишину. Так и смотрю я на эти записи.

4 августа 1953 года.

Детство

Родился я в Петербурге 12 февраля 1895 года. Мама находилась в то время в родовспомогательном отделении Александровской женской больницы на Надеждинской улице. Там была и церковь в честь святой мученицы царицы Александры, в которой меня окрестили 16 февраля и назвали Иоанном, как дедушку по матери. Ближайшим ко дню рождения Предтечи и Крестителя Господня Иоанна оказалось 24 февраля, когда Церковь вспоминает 1-е и 2-е обретение главы Иоанна Предтечи. Этот день и был днем моего Ангела до пострижения в монашество.

Первые годы моей жизни в основном протекали в селе Князеве, где мама была учительницей, но мои воспоминания больше относятся к жизни в деревне Кряково, куда мы уезжали летом к дяде Ване, или к событиям в деревне Хотынница, где учительствовал мой папа. Зимой по субботам он часто приходил к нам на лыжах и проводил с нами воскресенье. Иногда же присылал за нами знакомого извозчика с лошадкой, и мы все трое – мама, Тоня и я – ехали к нему, а потом в церковь. Так как папа был регентом, а мама пела в хоре, то буквально в пеленках я уже присутствовал на богослужениях, часами лежа на хорах и засыпая под звуки

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

церковных песнопений, а иногда и «оплдевая» им.

Мне рассказывали о первом моем «знакомстве» с батюшкой, очень милым молодым отцом Михаилом Петропавловским, который впоследствии принимал и мою первую исповедь. Он пришел познакомиться с папой, когда мне еще не было и года. Я был на руках у мамы и забавлялся игрушкой «ванька-встанька». Отец Михаил взял меня, начал со мной разговаривать, чем-то рассмешил меня, и я в порыве удовольствия и симпатии к нему размахнулся и со всей силой ударил его по дубу тяжелым конным уздечкой. Вскричала порадничная шинка. Стали прислаивать медные пятячки, компрессы... Меня долго дразили, когда я вырос, этим случаем. У отца Михаила была дочь Нина, мне ровесница, почему он так храбро и взял меня на руки. Этот же батюшка преподавал Закон Божий в школе отца. Когда его перевели в другой приход, к нам приехал отец Николай Орнатский, брат известного настоятеля Казанского собора в Санкт-Петербурге – отца Философа Орнатского. А после него был отец Михаил Добролюбов, большой друг моего папы.

Отец шутил, что азбуку я знал еще в колыбели. А было это так. Иногда я плавал, и было трудно меня успокоить и усмирить. Не знаю, отчего это, так как здоровьем я отли-

чался всегда хорошим. Должно быть, избаловали меня немного. И вот Клею начинает меня развлекать. Тинет: «А-а-а» — в реву. Неожиданно она произносит: «Бо».

Я поворачиваю голову, но все еще плачу. Далее идут все новые и новые впечатления: «В-во», «г-г» и так далее. Не дойдет она еще и до половины алфавита, как я засыпаю от утомления. Говорить я научился сразу чисто, произносил все буквы не так, как старшая сестра Тоня, которая очень долго коверкала слова, произнося их по-своему. Читая, я научился очень рано. До одолевательного возраста я был единственным мальчиком в двух наших родственных семьях: моего отца и его брата — дяди Вани. Рос я в обществе двух своих родных и четверородных сестер и отнюдь не был среди них главарем. Скорее эта роль принадлежала моим сестрам. Я же был мягок, податлив, даже слабхарактерен.

Самым ранним моим воспоминанием является, по-видимому, воспоминание об участии моем в свадьбе тети Шуры. Это происходило в Петербурге зимой 1897/98 года, то есть когда мне было приблизительно три года. Я помню, что был тепло одет и ехал в карете с невестой, как полагают «малычню с образом». Через год у тети Шуры родилась дочь Мария (Мура), о которой я уже упоминал и еще к ней вернусь.

Очень рано начал я играть «в батюшку», с трехлетнего возраста всех благословлял. Проявлял большой интерес к богослужению. В церковь нас никогда не водили насильно, но мы сами так любили бывать там, что, если приходилось пропустить службу по нездоровью или по другой причине, это всегда было для нас большим огорчением. Дома молились утром, вечером, перед едой и после нее. Не только мы, дети, но и взрослые принимали участие в молитве. Все по очереди читали молитвы: сегодня папа, завтра мама, потом Тоня, я и Оля. Поэтому у нас было сознание, что это дело нужное и важное, а не просто отбывание повинности, налагаемой на одних детей. И если кто-нибудь из нас вечером не сразу засыпал, то мог слышать, что папа с мамой еще долго без нас читали молитвы.

Часто бывая в храме, я постепенно научился много молить, так что мог

совершить почти целиком любую «требу» для кукол моих сестриц, отслужить «всеночную». Тети поощряла меня в этих играх, родители же сперва были в недоумении: не является ли это чем-то близким к кощунству? Посоветовались с батюшкой, и, наш милый сельский батюшка, рассудил мудро. Он сказал: «Оставьте и не запрещайте, иначе он может начать делать это тайно, что будет гораздо хуже. Предупредите только, чтобы не происходил тех возгласов, которыми сопровождается на литургии предложение Святых Даров, и вообще не совершал Евхаристии, а одолебно и всеночную пусть "служит"».

Мне иногда задают вопрос: что испытывал я при этих детских играх в батюшку? Было ли это только внешнее подражание тому, что я видел и слышал в храме, или я действительно молился при этом? Должен сказать, что я именно молился и это доставляло мне большую радость.

Приведу несколько запомнившихся мне эпизодов. Помню как мы с сестрами «отпевали» и хоронили крохотного воробышка, выпавшего из гнезда. В коробочку положили цветов, на них — воробышка, после «отпевания» я говорил надгробное слово, пропавшись со слезами и похоронил под кустом черемухи, подальше от той злополучной березы, с которой он свалился. И когда уже зарылся, возник вопрос, можно ли поставить над могилкой крест, так как ведь «покойник» не был крещен.

Как у всякого здорового и резвого ребенка, бывала у меня иногда склонность поназвать, покартинничать, не слушаться. Близкие мои, все опытные педагоги, мягко и разумно исправляли мои недостатки. Приведу несколько примеров.

В Кривое был большой инок, которого я побавлялся, но хотел всегда подразнить его. Хотя он был загородкой, однако на близком расстоянии мог сильно клонуть. Мама предупредила меня: «Вот, ты знаешь Соломона-тудильщика, который изредка приезжает сюда чинить всем поуду. Видел, что у него только один глаз? А отчего? Это он в детстве дразнил инокца, тот рассердился и клонул его прямо в глаз. Так может и с тобой случиться». Действительно, у еврея Соломона был только один глаз. Я пытался расспросить его самого, и он подтверждает мамин рас-

сказ. До сих пор не знаю, действительно ли так было, или он говорил по маминной просьбе. На некоторое время после посещения Соломона я оставлял инокца в покое, но затем снова принимался за прежнее.

Впервые фотографировали меня, когда мне было четыре-пять лет. Ездил для этого в Петербург. Помню, как зажали мне голову какой-то подпоркой и фотограф обещал, что из аппарата сейчас вылетит птичка. Я стоял на кресле, ручку которого на снимке при некоторой фантазии была похожа на странную розу.

Когда я карикрировал и не слушался тети Тани, она, бывало, пользова-

Ваня Виноградов, 3 года

лась этим портретом как пособием при воспитании: «Кто этот хороший мальчик, кто стоит на кресле? Думаешь, это ты? Ошибаешься, это Петья Треухов (крестник тети в Кривое). А ты вот здесь, пониже (показывает на ручку кресла). Видишь, какой стал некрасивый, сердитый». Я присматривался с сомнением: где же я? Быть таким страшным не хотелось. Я казался в своих прегрешениях, просил прощения, и мир с тетей восстанавливался. У тети Тани был песик из породы болонок — пушистый, белый, только на мордочке три черные точки: два глаза и нос. Звали песика Маркизию. Его часто купали и потом обмороку укутывали платками, чтобы обсох. Но он ухитрялся воспользоваться малейшей щелочкой в двери (и даже по приближавшимся шагам

угадывал, что дверь сейчас откроют), в одно мгновение высасывал из всех «еленок» и стрелой мчался на двор, к своей любимой куче мусора. Вывалившись там до черноты, зарывался себе новую «баню». У меня отношения с ним были напряженные: мне нравилось дергать Маркизику за хвост и он в долгу передо мной не оставался. Поэтому, когда мне приходилось доедать суп за папу, за маму, за Тоню и т. д. (как бы по нелюбому списку) и дело доходило до «Маркизики», я решительно отказывался, ссылаясь на то, что «не люблю его». Конец этого песика был печальный: его укусила внезапно появившаяся в тех краях бешеная собака, и он был усыплен со многими другими покусанными собаками. Все мы его очень жалели, и мне даже стало казаться, что я очень любил его.

В дождливую погоду тетя Тая уводила нас к себе в мезонин и развлекала хранившимися у нее в сумке заводными игрушками. Был там кочан капусты, из которого выглядывал пушистый хорошеенький зайчик. Перед ним – барабан. Если завести ключиком, начинала играть мелодичная нежная музыка, а зайц в виде аккомпанемента бил лапками по барабану.

Другая игрушка, по-видимому, заграничного изготовления: на столе по кругу едет на велосипеде будничок со своей поклажей, к нему вскакивает трубочист, оба дерутся и пинают друг друга сажой и музой, продолжая ездить.

Но самая остроумная игрушка, которую я и сейчас бы с удовольствием посмотрел, – это стало маленьким утенок из дерева или воска. Их пускают плавать в таз с водой. В руках держится палочка длиной 25–30 см. На одном конце ее изображена розга, на другом – кусок хлеба. Уточки все принимают, если приблизить к тазу палочку тем концом, где изображен хлеб, и стремительно рассыпаются в разные стороны при приближении розги – наглядное изображение того, что магнитные полюса, заключенные внутри утенка, отталкиваются от одноименного полюса в «розге» и притягиваются к противоположному полюсу в «куске хлеба».

За самые серьезные проступки сажали меня в чулан. Особенно живо помню один такой случай в Кряково. Жили мы там около большой до-

роги, которая вела в село Ильеша, где была почитаемая чудотворная икона святой Параскевы Пятницы. Мимо нас проходило много паломников, особенно около Ильина дня, в июле месяце, когда праздновали память этой иконы. «Наряд» и облик этих странников мне, четырехлетнему тогда мальчугану, очень нравились. Итак, сию я, наказанный, в чулане. Это совсем не страшно: было там не очень темно и дверь только приперта, а не замкнута. Наказание состояло в том, что я не имел права оттуда выйти. А время уже приближалось к обеду. Я слышал, что на крыльце, игравшем роль террасы, где отец мой приладил полотно для защиты от солнечных лучей, уже лежат ложки и вилки, гремит посуда. И желудок мой подказывал мне, что час обеда уже близок. И вот я придумал штуку, сильно насмешившую моих родителей. Нашел я в чулане старую-престарую, изъеденную уже молюю шпанку. Вероятно, ее носил раньше пастушок, которому в то время уже купили новую. Нашел и котомку, и посох, который был гораздо выше моего роста, – словом все, что нужно для того, чтобы превратиться в «странника». Надвинув шпанку на глаза, чтобы меня не узнали, а потихоньку вышел из чулана, обогнул дом и со стороны дороги подошел к террасе, где в это время отец делал последнее приготовление к обеду: приказ к груди крутой хлеб, он собирался резать его на куски. Подражая голосу проходивших странников, я нараспев «басом» протянул: «Подайте милостыню Христа ради». Отец с самым серьезным видом отрезал горбушку и подал мне со словами: «Вот тебе, странничек, помолись о нас Богу!» «Спаси тебя Христос!» – отвечаю я, а сам думаю: «Неужели я так хорошо нарядился, что меня и в самом деле не узнают? Придется, видно, вместо обеда съесть только эту горбушку!» Пошел было я дальше по дороге, но Ксения тут не выдержала: схватила меня, подняла, расцеловала и со смехом понесла на террасу. Ну и все тут начали смеяться.

Попало мне раз и в гостях за соучастие в одной шалости. Было мне тогда лет шесть. Верстах в двенадцати от Крякова стояло село Сумское. Один раз зимою, около святок, поехала мама туда в гости, взяла и

меня с собою. В доме ее друзей был мальчик Петя, чуть моложе меня. Он стал показывать мне свои новые игрушки, и в том числе красивую маленькую коляску. Была к ней и деревянная лошадка, но кому-то из нас двоих пришла в голову мысль, что гораздо интереснее запрячь в коляску

Ваня Виноградов – ученик 1-го Рыльского училища (1-й курс)

козла, толстого смиренного Васюку. Кот вообще очень добродушно переносил, когда мы его тормошили, но в этом случае он чего-то испугался, вырвался из наших рук и помчался к козлу, пытаясь влезть по занавеске. Козляка – вместе с ним. От тяжести сорвалась гардина, при падении разбила дорожку ваза Петинной бабушки, а кот, в попытках освободиться, запеленался в занавеску и орал от ужаса, кусался и царапался при всякой попытке вырвать его из беды. На этот шум поспешили взрослые. Они с трудом справились с обезумевшим от страха котом, а потом побранили нас и обом поставили в угол. Маме было неловко за меня, так как я был старшим и считался вообще благоразумным мальчиком.

Было у нас самих котик – Сибирячок. Помню, как ему делали «операцию». Стали замечать, что он не ест, не пьет, даже не мяукает. Глаза мутные, нос горячий. Укутали его платками, спеленали, как ребенка. Тетя Катя держит его, а тетя Паша раскрывает ему рот. Батюшки! Да там, в горле, уперся ребрами боль-

шой рыбий позвонки! Надо вытаскивать. Тети Паша вооружается сапожным крючком, каким застегивали крутые пуговицы на наших детских сапожках, и энергично вытаскивает кость. Умный кот покорно терпит боль, только две слезинки появляются на глазах. Осторожно вливают ему в рот немного теплого молока, и на другой день он уже весел и здоров.

Тот же сапожный крючок помог тете Паше совершить другую подобную операцию, которой пришлось подвергнуть маленькую шалунью, которую звали Олю. Ей пришла в голову фантазия засунуть в нос прямо круглую пуговицу от сапожка, и притом ушвом внутрь. Как ее вытаскивать? При всякой попытке пуговица уходит еще глубже в нос. Тети Паша догадалась применить недавно перед тем появившийся универсальный кисей синдетикон. Намазав палочку клеем, она старалась повернуть пуговицу ушком в бок и, взгляда достигла этого, вытаскивала ее сапожным крючком. Два увесистых шпала заключивши операцию, по это не помещало Оле через некоторое время проглотить панину маленькую запонку, а он потом искал ее, собираясь в церковь.

Какие игры были у меня в детстве? Подражая родителям, я очень любил устраивать школу для кукол моих сестриц. Усаживал их всех в ряд и обучал. Вместо карандашей раздавал им обгорелые спички.

По просьбе сестер совершал и «требы». Припомню такой случай. Папа с мамой ушли в гости, дома остались я с сестрами и дворовой сестрой Маней. Это была сирота, дочь рано скончавшейся паниной сестры Пелагии. Тоня и Маня приходят ко мне с просьбой почитать кукол: ямшишка Ваньку и божьрышню Матрешку. У Ваньки плюсовые шаровары, кашемировая рубашка и барашковая шапка с павлиньим пером. На Матрешке – сарафан и кожанчик с фалой (почему, вероятно, и явилась у сестер мысль о свадьбе). «Батюшка», то есть я, говорит: «Но мы не венчаем, у нас даже нет венцов». «Родители» продолжают настаивать. Тогда детская изобретательность подсказывает нам, что можно самим

приготовить венцы. Берем две половинки деревянного пасхального яйца, просверливаем наверху дырочки, вставляем в них крестик из спичек – и венцы готовы. Тоня и Маня, изображая сперва родителей, благословляют дома жениха и невесту, затем, изображая уже лошадей, везут их в колясочке в другую комнату – в церковь. Там Тоня и Маня уже шафера «Батюшка» обводит молодых три раза кругом аналоя (табуретки) с пением «Исайя, ликуй!» и считает брак совершившимся. С ним расплачиваются, вместо денег

Аркадьевна Исаикова и ее духовные чада, 1971 год, г. Елец

дают прекрасные лоскутки из запасов тети. У нее был заветный сундук, где лежало много красивых лоскутков от давно уже сношенных или передаренных платьев. Мне эти лоскутки были очень нужны для хоровой, облачений и других «церковных надобностей».

Затем «батюшку» приглашают на «чашку чая». Вспоминая это чаепитие, могу сказать только словами псалмопевца: «Господи храни младенцев!» Тут и сырая вода, и не разошедший в ней сахарный песок, и давленные ягоды смородины и малины из нашего сада. Я «благословляю» все это «яствие и питие», и мы его уничтожаем без всяких дурных последствий.

Затем я иду «служить всенощную». Посреди нее вдруг являются те же «родители», Тоня и Маня, и общаются, что у молодых родился ребенок и необходимо окрестить его. Мне не хочется прерываться и я предлагаю поэтому отложить крестины на завтра. «Но ребенок слаб, он может умереть. Вы не имеете даже права отказываться», – заявляет мне

Тоня. Я все же не соглашаюсь. «Ах так! Давай сюда обратно лоскутки! Мы не играем больше!» Глаза у девочки крутые, сердитые. Я возвращаю лоскутки.

«Вот папа с мамой придут, и мы им про тебя все расскажем!» Мне делается несновною на душе. «А что бы вы такое могли рассказать?» – спрашиваю их. – «А мы расскажем, как ты слезы из варенья пальцами вытаскивал!» Действительно, дело такое недавно было. Но вышло есть: если самовольно рассказать о своем проступке и попросить прощения, то ничего не будет. Мама и папа не выносили лая и поэтому требовали, чтобы мы сами рассказывали, если что напроказили. «Про себя я сам расскажу, и что вы делали, тоже им будет известно!» Глаза у девочек делаются безволевыми. «А если мы не расскажем?» – «Тогда и я молчать буду!» – «А что же бы ты все-таки мог рассказать?» – «Я рассказал бы, как вы грифельми, нагрел их на лампе, себе локоны запылили».

Замечу, что мама очень не любила, чтобы девочки равно нарядили «фигурки» перед зеркалом. Вот они, бывало, похихикали, когда мамы нет, и заывают себе локоны и «фигурно» перед зеркалом, а к приходу ее смочат волосы холодной водой и залетят их в юбочку.

Собственно говоря, я мог бы вполне обойтись в играх без девочек: у меня всегда было много своих интересных игр. Но Тоня и Маня иногда надоело играть вдвоем, и им нужен был партнер. Играли они летом в пустом амбаре, разделенном на отсеки перегородками для отдельного хранения жита, ячменя, рая, пшеницы и овса. Он был удобной квартирой для них самих и для их кукол. Там стояли маленькие скамеечки, кукольные кровати, буфетчики, миниатюрная посуда и прочие игрушки – у каждой в своем отсеке.

Приходит они ко мне и просят: «Давай играть вместе. Ты будешь мамой Анастасией Ивановной (так звали одну нашу тетю) и приедешь к нам в гости из Петербурга». Не совсем представляя, чего от меня требуют, я соглашаюсь. И тут начинается пытка: в жаркий июльский день меня облачают сверх моей

обычной одежде в мамину старую шерстяную юбку, подтыкают ее у пояса, чтобы была вкючке, на грудь кладут подушку, думку, сверху нее надевают мамину юфту, а на голову — старую отремтированную наскоро шляпку. И происходит следующий разговор у входа в амбар: «Ах, Анастасия Ивановна, очень вам рады, пожалуйте сюда!» «Дама», нарушая свою солидность, должна поднять юбку и перемануть через стенку сусека «Антонины Васильевны». «Не желаете ли чайку?» — спрашивает любезная хозяйка. «С дороги можно!» — отвечает я. И подсаюсь на кукульную посуде угощение: свежий огурец с солью, молодой горох (каждую горошину нащипали всеми десятью пальцами на крохотную словявиную вилочку), печенье «Альберт» и вода с давленными ягодами. Ведем «светский» разговор. Маня спрашивает: «Какие теперь моды в Петербурге? Вы можете себе представить,

дорогая Анастасия Ивановна, почтмейстера наша на почте вытаскивает из вновь полученного для нас номера «Нивы» листок с модами! Выберет себе по нему платье, запечатывает листок своими ручницами и только тогда вкладывает его обратно в журнал. Ведь это безобразие!» «Конечно, — соглашаюсь я. — Но вы должны принять меры, заявить об этом самому почтмейстеру!» Тут в разговор вмешивается Тоня: «Вот вы все-таки скажите, как теперь шьют платья — с воланчиками или без них?» «Ответ меня затрудняет, и Маня подкашливает на ухо: «С воланчиками!» Я за ней громко повторяю: «Ну, вот видите, Мария Алексеевна, я же говорила вам, что с воланчиками — так оно и есть!» — подает реплику Тоня. «Скажите, пожалуйста, а сарафанчики теперь в моде с бретельками или без них?» Ну, это уж мне совсем незнакомое слово. «Что такое бретельки?» — спрашиваю тихо Маню. —

«Потом объясню, говори: «С бретельками». Я отвечаю Тоне. Мне становится скучно и невыносимо жарко. Я встаю, чтобы попрощаться и закончить визит. «Куда же это вы, Анастасия Ивановна? А ю мне разве не зайдете? Теперь обедать будем!» — приплавает Мария Алексеевна. Нечего делать, с тоской перебегаю в соседний сусек — к Мане. Через несколько минут подобных же неинтересных для меня разговоров я решительно встаю и начинаю раздеваться: «Я больше не играю. Мне жарко!» — «Что-о-о? Ты не хочешь играть?» — «Не хочу». «Ах, так!» — и следует энергичный шипок в бок. Девочки не дрались, но ципались, как гуси, так что в глазах темнело. Я сбрасываю с себя все одежде, прыгаю через стенку сусека и со всех ног бросаюсь в кусты черной смородины, где меня поймать нелегко...

(Продолжение следует)

Христианам о христианстве

по беседе с Калужским епископом

Продолжение, начало смотрите на странице 9 этого номера

хотя мне было уже за тридцать, пошел ко мне один господин немного старше меня и предложил с ним потанцевать. Я согласилась. Потом как-то еще встретились раза два. Мне сказали, что этот господин холостяк, один из самых богатых людей Скандинавии, почтенный и всеми уважаемый. Был он, мой-теперешний муж, человеком очень интересным. Через два или три месяца нашего знакомства он предложил мне стать его женой. Родители были в восторге: какая партия! Но, ожестившись первый раз, я была очень осторожна и просила времени обдумать ответ. Мой жених согласился.

Я поехала к Старцу на Валаам просить его совета и рассказала ему все. Он задумался на несколько минут, а потом сказал: «Раба Божия, помните я Вам говорил тогда, что все устроится и что Сам Бог выведет Вас

на путь потребный. И вот Он вывел. Только помните, что скорби и страдания не исчезнут,

а только изменятся. Вместо маленького деревянного креста, жизни смиренной, бедной, незаметной, Вам дается крест золотой, много тяжелее, но и его можно нести, если подвизаться в милосердии и благотворении, но не тяжело. Вам будут завидовать, клеветать, стараться поссорить с мужем и его семьей и так далее. **НО ЕСЛИ ВЫ НЕ ПРИВЛЕЧЕТЕСЬ К БОГАТСТВУ, ПОЧЕСТЯМ, а они скоро придут, И СУЕТЕ ЖИТЕЙСКОЙ, ТО СМОЖЕТЕ СОХРАНИТЬ ВНУТРЕННИЙ МИР, особенно если будете подвизаться в молитве Иисусовой сколько можно.** И еще советую: удаляйтесь хотя на месяц ежегодно в глухое место и там предавайтесь молитве и богомыслию. Увидите, как это полезно».

Вот я уже замужем немало лет, и каждый год езжу на месяц сюда. Сначала муж и дети не очень-то были довольны, а теперь ждут, когда сюда приедем. Здесь как рай. И я должна

сказать, что Старец был прав. Крест миллионера тяжелее креста бедности и опаснее. Так легко впасть в гордость и окамененное нечувствие к чужим страданиям.

... Я замечала, что к чему в жизни стремишься упорно, несмотря на всевозрастающие препятствия, то хотя великими усилиями и достигала желаемого, то не на пользу, а на погибель. Или совсем измучаешься, и все станет безразлично, или увидишь, что игра не стоила свеч. Что от Бога, то само приходит, вот как в Евангелии говорится: *... не придет Царствие Божие приметным образом, — ибо Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 20-21). Давно-давно, когда началась у меня, при первом муже, большие горести, то я говорила мудрой моей тетке: «Я уйду от мужа, брошу все — и опять буду веселая и живая, как раньше». Тетка же мне ответила: «Вот и видно, что молодая ты, Нина. От себя никогда не уйдешь, а если у тебя на душе мир, то тебе будет всюду хорошо. От скорбей в жизни не уйдешь, терпеть надо, молиться и ждать — и Господь укажет путь в свое время». Так и есть. Но в молодости этого не понять...»

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ТИХОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В ЗАДОНСКЕ

(Часть 6)

Завершив ознакомление с ситуацией в странноприимном доме, учрежденном Матроной Наумовой Поповой, архиепископ Воронежский Серафим подготовил представление в Святейший Синод. В основу этого документа лег подробный доклад о положении дел в Тихоновском странноприимном доме сестер милосердия, составленный несколькими годами ранее начальницей Задонского странноприимницы Порфирией.

В декабре 1876 г. представление Воронежского правящего архиерея было направлено в Синод. Главной целью подготовки данного документа стало ходатайство о признании существующего в Задонске женского странноприимного дома учреждением официально существующим, с наименованием его «Задонского Тихоновского женского общинно с странноприимным при ней домом», и об укреплении за него пожертвованных разными лицами недвижимых имений.

Как сообщает А. М. Правдин: «Представление преосвященного Серафима Св. Синодом на сей раз не было уважено по следующим причинам:

1) на переименование основанного Матроной Наумовою странноприимного дома в общину не имеется согласия от лиц, пожертвовавших в пользу этого дома свои имущества;

2) существование странноприимного дома при женской общине с дозволением принимать в оный странников мужчин и с допущением ухода за ними со стороны сестер общины представляется не вполне согласным с характером одобренных Св. Синодом правил для женских общин и непременно может породить самые неблагоприятные в окружающем обществе толки и нарекания на общину и на странноприимный при ней дом, во вреду обоих сих учреждений».

Поэтому Св. Синод указом от 31 марта 1877 г. обязал Воронежское епархиальное руководство войти с новым представлением относительно устройства сего дома, учтя сделанные Синодом замечания.

Страждущие странники.
Репродукция с картины А. Е. Архипова

Получив из столицы вышеупомянутый синодальный указ, преосвященный Серафим распорядился незамедлительно истребовать от лиц, опожертвовавших на основанный в г. Задонске девичью Наумовой женский странноприимный дом, или от наследников их» отзывы о том, согласны ли они на переименование означенного странноприимного дома в общину, а также и на то, чтобы в этот дом принимаемы были только странницы, без допущения в него странников мужчин. Распоряжение было дано для того, чтобы «описание имела сделать постановление в возможно непродолжительное время».

Согласие от жертвователей имений и земель было получено, и в марте 1878 г. преосвященный Серафим возобновил прежние свое ходатайство, особо указав, что в странноприимном доме впредь позволя-

ется принимать и призывать только лиц женского пола.

И вот в Воронеж поступил из столицы указ Св. Синода от 16 марта 1880 года. В нем сообщалось, что Государь император, после всеподданнейшего ему доклада определения Св. Синода от 8 марта 1879 г., Высочайше соизволил в 29 день марта 1880 г. дать согласие на переименование существующего в г. Задонске женского странноприимного дома в Тихоновскую женскую общину с странноприимным при ней домом, а также, на «укрепление за общиною пожертвованных в пользу странноприимного дома недвижимых имуществ», но не тем однако непеременимым условием, — вновь подчеркивал синодальный указ, — чтобы в означенный странноприимный дом принимаемы были только лица женского пола, без допущения в оный странников мужчин».

Так увековечилось благое дело, начавшееся за 30 лет до этого назад ходатайством сотрудницы Матроны Наумовны о правительственном утверждении основанного ею странноприимного дома. Отныне Задонская странноприимница во имя святителя Тихона, в продолжения почти четырех десятков лет бывшая частным учреждением, поступала «под покровительство духовного и гражданского начальства».

В правилах, составленных епархиальным начальством для новоутвержденной женской общины, читается: «Странноприимный дом в городе Задонске, состоя под покровительством духовного и гражданского начальства, управляется начальницею, которая избирается или из сестер, или из благовоспитанных сего учреждения, или же назначается епархиальным начальством из лиц монашествующих, способных к сему по благочестной жизни и по деятельности. Желющие ради Господа по-

служить страждущему человечеству в лице странников-богомольцев, приходящих в город Задонск на поклонение святым мощам святителя Тихона и посещающих странноприимный дом для успокоения от трудов и пути, или же для уречения недугов душевных и телесных, лица женского пола принимаются в странноприимный дом из всех сословий, по предварительному испытанию, не моложе 20 лет.

Сестры, главным образом, обязаны безорочно, неустойимо и усердно служить странникам и богомольцам, иметь особое попечение о больных; в свободное от исполнения возлагаемых на них обязанностей время они могут заниматься в пользу странноприимного дома приличным их полу рукоделием и обучать оному лиц, находящихся на испытании и призреваемых.

Посещающие странноприимный дом странники принимаются в нем во всякое время года на три дня. Для них имеются отдельные помещения, и для продовольствия их готовится стол постный, состоящий сверх хлеба и кваса из одного горячего блюда и каши.

Все сестры, по очередному назначению начальнику, наблюдают за чистотою и порядком в странноприимном отделении, за доброкачественностью приготовляемой пищи и за поведением приходящих, доставляя им возможное спокойствие и удобство. Грамотные сестры, также по очереди, читают для желающих слушать Священное Писание и жития святых.

Ослабевшие в силах и забелевшие странники-богомольцы помещаются в особых комнатах, куда назначаются по две сестры на каждый день, которые обязаны оказывать самый усердный уход за призреваемыми и помогать им возможными медицинскими пособиями, по указанию врача. Стол для больных должен быть особый. Выздоровляющим больным бедным и немущим странноприимный дом выдает, при выходе из него, возможное пособие на путь; умирающих же погребает на свой счет, и имена их поминуются в церкви

странноприимного дома в продолжение годичного времени.

Число ежедневно посещающих странноприимный дом странников и имена больных, остающихся в нем, записываются в особую заведенную для сего книгу, и сведения о том помещаются в годичном отчете, представляемом епархиальному начальству.....

Получив официальный статус, руководствуясь предложенным епархиальным уставом, Тихоновская женская община под опытным руководством начальницы Порфирии быстро нача-

Трапеза для странников

ла благоустроиваться. Ввиду столь благоприятно складывающихся обстоятельств, начальница общины монахиня Порфирия в 1885 году начала ходатайствовать о возведении общины в монастырь, и епархиальное начальство, «по удостоверению в справедливости представленных ею сведений, признало возможным согласиться с ее желаниями».

О том, что из себя представляла женская Тихоновская община сестер милосердия спустя семь лет после утверждения, можно узнать из дознания настоятеля Задонского Богородицкого монастыря архимандрита Прокония, по должности своей осуществлявшего надзор за делами матушек-странноприимниц.

Из составленного архимандритом Проконием отчета явствует, что «Тихоновская женская община ничем не отстает в образе монастырской жизни от других, более давних монастырей Воронежской епархии».

Богослужение здесь к тому времени было каждадневное, осуществ-

лявшееся постоянным причтом, определенным для Скорбященской церкви еще в 1872 году. Сначала причт включал лишь священника и диакона, а впоследствии дано было место и второго священника.

Свершившиеся в домовой церкви общины богослужения сестры, свободные от неотложных работ, посещали неупустительно. Таинство исповеди и святого причастия исполняли здесь во все 4 поста; утренние и вечерние молитвословия совершались ежедневно по чину монастырскому.

Прочие же время посвящали сестры душеполезным трудам. Они прилежительно странникам-богомольцам, коих принималось в обители для отдохновения и прокормления до пяти тысяч ежегодно, ухаживали за больными; пребывая в кельях, занимались женскими рукоделиями: изготавливали ковры, шили ризы и прочие церковные облачения, шили повседневную женскую одежду для нужд немущих странниц и сестер общины, занимались «золотую рисовкою» на шелковых и других материях, делали цветы, вязали кружева, вышивали золотом по канве, вышивали гладью, вязали на спицах и крючком, делали одежду.

К 1887 году, на момент составления отчета архимандрита Прокония, денежные доходы Тихоновской общины в Задонске от «экономических статей», от продажи сестринского рукоделья, от пожертвований и церковные достигали 10 тысяч рублей в год. На счетах хранилось около 12 тысяч «запасного капитала».

Такое материальное обеспечение позволяло не только успешно выполнять задачи странноприимства, но и содержать 140 сестер, постоянно проживавших и трудившихся в общине.

(Продолжение следует)

Текст данной публикации основан на статьях А. М. Правдина «Женские монастыри Воронежской епархии, основанные в XIX веке» и П. В. Никольского «Задонские монастыри, как памятник святителю Тихону».

семье у нас было шесть человек детей. Я – самая младшая. А жили мы рядом со школой напротив церкви. Помню, когда еще совсем маленькой была, мама меня в храм на руках носила. Потом я начала туда бегать сама. Бывало, стою на службе со всеми детьми около солеи, у ладана кадилью дымит, а ветер в мою сторону – я ладан нюхаю, нюхаю...

А однажды на проповеди, пока батюшка говорил, я сделала земной поклон да так и осталась сидеть. Вернее, можно сказать, лежать: колени на полу, а голова на ступенечках около батюшких ног. Он меня не заметил и случайно прикоснулся носком сапога к моей голове. Испугался и тут же отдернул ногу. А я голову опять под его ногу подсовываю, думаю: «Господи, я ведь такая грешная: я же самая грешная – грешнее всех! Дави, дави, батюшка мою голову! По голове мне дай – может, ума наберусь!»

Мама моя была верующей, а отец – коммунистом, партийным. И вот, помню, мама соберет нас всех, поставит, молитвы утренние выберет самые кратенькие, и все сестры и братья по очереди читают. А я была младше всех детей лет на 14 – мне тогда только «Господи, помилуй» давали читать. Когда все молились, одного из нас мама обязательно ставила «на страже». «Папа идет!» – мы тут же все разбегались и делали вид, что играем.

Помню, мама приводила из церкви к нам домой инок, старцев и юродивых. Кормила их, давала, что могла. Среди них был юродивый Алеша – немозжно в нос гуделось. Он много предсказывал. Еще приходил старец Николай – он пешком семь раз с баринном ходил в Иерусалим. Немало рассказывал и носил с собой большую книгу – Откровение в картинках.

Те женщины, кто жил поблизости от церкви, часто собирались вместе и читали каноны, акафисты... Мама неизменно брала с собой и нас. Мне это очень нравилось. Помню, я еще любила по покойникам ходить – это ведь идти надо было вечером,

Н.А. Яковлева рассказывает

В ОБЩЕНИИ СО СТАРЦАМИ

а заканчивалось все ночью – пока читают, да пока поминуют... И я начинаюсь так, что меня домой на руках несут: я же маленькая была, засыпала.

Мама со старшими братьями и сестрами частенько ездила в Глинскую пустынь к старцам. Нашу семью там знали. Помню, кто-то рассказывал, как старец Андроник подошел к моему брату Алексею (он впоследствии стал протодиаконом), обнял

на него! Что он из себя представляет, зачем мы его ищем?»

Пришли, заходим. Мама как обычно прочла молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Из комнаты голос отвечает: «Аминь, аминь». Мы открываем дверь – отец Ефрем сразу же восклицает: «Ах, Анна пришла! Да с дочкой, с Зинаидой!» – а он нас в первый раз видит! Поворачивается к нам и на глаза руку держит, чтобы его лица не было видно. Его келейница сразу на колени попала: «Батюшка, открой лицо! Отец Ефрем, чем мы перед тобой провинились? Отец Ефрем, прости нас, открой лицо! Да что ж такое, светик ты наш ясный?» – они по-простому, по-русски между собой общались. А у него глаза сморщились, но не открывает лицо и все! Они опять: «Да открой же ты лицо! Да что случилось?» А он стоит и говорит: «Не буду открывать лицо! Зинаида шла и хотела посмотреть на

Глинская пустынь

его (а брат был высоким – где-то метр восемьдесят шесть) и сказал: «Я же тоже Алешей был – и ты Алеша». Вся наша семья держалась Глинской. Брат туда ездил, сестра там была, а мне не удалось – меня по малолетству с собой не брали.

В 1961-м году Глинскую закрыли. Моя старшая сестра осталась жить в Таганроге. И вот однажды приезжаем мы с мамой к ней, а нам говорят: «В городе отец Ефрем находится, – глинский отец Ефрем. – Он остановился у одной из сестер». И мама потащила меня туда. Мне тогда было, наверно, лет десять или одиннадцать. И вот мы идем – осень, грязь, непролазная. На одну улочку зашли, да оказалось не на ту: перепутали. А я же маленькая – иду, грязь ногами мешу и думаю: «Что это там за Ефрем такой? Хоть поглядеть бы

Ефрема: что там за Ефрем такой?» Мне так стыдно стало!

А потом было что-то вроде исповеди. Помню, он в моих детских грехах меня обличил. В тайных! Слушаю – его келейница про меня говорит: «Вот бы в таком возрасте умереть: грехов еще нет!» Я говорю: «Что они там боятся?! У меня грехов уже, как ренхон. Я ж самая большая грешница! И грехи-то какие: страшные, смертные!» – как я считала. Мне казалось, что грешнее меня нет никого на свете! Келейницы батюшкины надо мной посмеялись...

Одна из них раньше была певичкой большого хора: представительная, интеллигентная... И вдруг все бросила и пошла за отцом Ефремом странничать. Она же его и похоронила. Он последние годы своей жизни провел в Рязани, а поскольку

Из поучений старца Серафима (Романцова)

— Заметишь, что не удалось сделать все, что хотелось, скажи: «Господи, помилуй!» Надо бы заставить себя, да лень ододела — «Господи, прости». Если кого, забывшись, осудишь — скорее кайся, если что нарушишь — тоже. Покаявшись, старайся не връшиться, а на допущенном не ослабляй вниманье, чтобы всегда иметь покойный дух, ни на что и ни на кого не возмущаясь.

— Учись переносить приятное с благодарением, неприятное — с молитвой покаяния, все же вообще — с преданностью Богу и благодарением, повторяя: «Слава Богу за все!»

— Как одолеть тревогу? — Во всем полагаться на Господа: в скорбях, болезнях, искушениях; возрастать в сознании: все от Бога и Господь всем управляет и все ведет ко благу, к душевной пользе и спасению.

— О молитве. Главное не в том, сколько прочитать, а прочитать внимательно, погружаясь в разум святых молитв, как рыба в воду от находящегося обуреваия.

— Оберегай душу от смущения, лучше уступить в чем можно, что не противоречит заповеди Божьей, наблюдая за собой, чтобы в душе не оставил раздражения, гнева, обиды.

— Руководствоваться словом Божиим всегда и во всем необходимо, наблюдая за тем, чтобы вера жизнью свидетельствовала.

— Духовные богатства возрастают в терпении, а терпение испрашивается молитвой.

— Идти ли в монастырь? — Если чувствуешь, что можешь нести послушание, то поезжай в монастырь, а если еще не можешь, то живи дома.

— Поздравляя с Пасхой, говори о ней, как о духовной весне. Желая духовного пробуждения, старец паломник, что «этому способствует молитва, память о Боге, страх будущих вечных мук и желание вечного блаженства».

кородствовал, то попал в психбольницу. Там и умер...

В тот вечер отец Ефрем много нам рассказал и предсказал. Все его предсказания потом сбылись. Но говорил он тогда в основном с мамой. А мне сказал: «Ты, знаешь, ты маму свою жалеешь — это единственное, что я тебе скажу. Она скоро умрет. Я бы, — говорит, — тебе так много сказал, так бы много рассказал! Но ты такая еще маленькая — не сможешь этого всего вместить!»

На следующий день отец Ефрем благословил нас с мамой причащаться. На службе он стоял в алтаре, а мы были в храме. Это причастие я запомнила на всю жизнь! Также было непередаваемое состояние! И слезы ручьями текли. После этого я больше никогда так не причащалась!

Через несколько лет мама, и вправду, умерла. Я выучилась, переехала в Муром и устроилась там на работу.

В Муроме жили две юродивые: старца Мария и блаженная Анисья.

Старца Мария жила 53 года в затворе в хате без крыши. Только в двух углах на стенах лежало что-то вроде фанеры: там, где были иконы, и где стояла юза. Лишь недалеко до смерти кто-то покрыл ей хату.

В городе считали ее юродливой, потому что она нигде не выходила, а на стенах ее избы висели разные сухие травы и цветы.

Говорила она стихами, русскими поговорками, прибаутками... Когда я пришла к ней в первый раз с рабой Божьей Рансой, она сказала: «Вот здесь живет — не приходит ко мне, потом уедет — будет локти кусать», — я узнала ее недалеко перед отъездом из Мурома и после, действительно, приезжала к ней из другого города.

Она много мне помогала своей молитвой. И даже после ее смерти я ощущала ее поддержку.

Она всегда меня называла «доченька моя». Как-то мы пришли к ней с духовными сестрами, она постелила нам дорожку: «Преходите». Сели — она мне и говорит: «Ты — доченька моя, доченька моя». И начинает: «На елке, на елке, на веточке рвали мы с тобою конфеточки. На елке, на елке, на маковке наелись, напелись, наплакались». А я реву, сама не зная, почему. Я всегда, когда к ней приезжала, плакала без оста-

новки. Наверно, от благодати. «Рвали конфеточки» — это в духовном плане означает хорошо, а «наелись, напелись, наплакались» — это плод духовной благодати: она предсказала, что я буду монахиней. А Ранса и говорит: «Магуха, — все послушницы магушку Марию называли «Магухой», — ну, скажи ты этой дуре, чтоб она перестала реветь! Воет и воет, как корова, целыми днями!» А та: «Да не трогай ты ее. Она и сама не знает, чего плачет». И обращается ко мне: «Ты одна из моей родни будешь за гробом идти и плакать». И правда: я очень тяжело перенесла ее смерть. И послушница ее почтено только нам дали телеграмму, а ведь сколько у старца Марии было духовных чад!

Как-то собираемся мы с Рансой к магушке и спорим. Я говорю: «Давай просфоры для нее возьмем». Она возражает: «Юродивым просфоры не надо. Только заходим — магушка спрашивает: «А хлебushка-то мне принесла?» Я Рансу говорю: «Вот видишь как? А ты — мне надо!»

Один раз пригостили мы магушке подсолнечное масло и забыли. Вспомнили только в дороге, но уже было поздно. Ну и поспорились, невозможно из-за этого. Приезжаем: «Магуха, благослови, мы приехали». А она: «Приехали! Хорошенькие приехали! Ну, и что надо?» Она как сказала «хорошенькие приехали!», нам так стыдно стало. Сразу вспомнили, что в дороге погуляли. Потом вышла послушница и спрашивает магушку: «Что ж ты их так встретила?» А та отвечает: «А что? У них спрашиваю, а они не говорят, что им надо!» Мы выкладываем персики, гранаты. Магушка говорит: «А масла-то съестного не прилегло!»

Она очень много предсказывала. В 1970-е годы в Подмосквье горел торф. Перед этим она вдруг впервые за столько лет вышла из своей хаты, пошла с корзиной по улице и начала просить милостыню — через некоторое время загорелся торф, и по городам начали ходить погорельцы, прося подаяние.

Однажды, когда мы к ней приехали, и магушка начала нас по своему обычаю кормить, возлилась она у печки, а с другой стороны от печки висело множество фотографий. На одной из них был изображен какой-то священный с семьей. Вдруг

эта фотография показывалась и сдвинулась на бок – матушка тут же отозвалась: «Хм! Все поны и дыжона попадали!» Видеть эту фотографию она не могла и слышать, как она накренилась, тоже.

Как-то пришла к матушке священный со своей женой. А перед этим они зарезали дома поросенка и думали: «Везти матушке мясо и колбасу или нет?» Приезжают к ней, а матушка и спрашивает: «А колбаски-то мне не привезли? Мяса не привезли?»

Мы как-то посомневались с сестрами: «Матушка находится в затворе – а причащается ли она?» Приходим, а она тут же на наши мысли и отвечает: «А вот Серафим Саровский у меня висит...» – показывает на икону. – А ко мне батюшка приезжает – исповедует, причащает», – ее тайком причащала какой-то архимандрит.

Когда мы были у нее в последний раз, она намекнула нам на то, что скоро умрет: «Я лежу, а мне как бы голос какой-то потихонечку говорит: «Я тебе дам сладкий сон! Я тебе дам сладкий сон!» Но мы не сообразили, что это значит. Она тут же: «В Америку бы уехал, только бы не умрал». Мы снова не догадались...

Жила в Муроме и другая юродивая – блаженная Анисия. В молодости ее насильно выдали замуж, от этого брака родилось несколько детей. Взрослыми они занимали большие посты и стыдились своей «непутевой» матери, старались закрыть ее дома, но она постоянно убежала.

Каждую ночь Анисия кузавалась в двенадцати Муромских источниках. Утром приходила в город и шла туда, где более всего в данный момент требовалась ее помощь или присутствие.

У нее была такая искренняя, неподдельная любовь к людям – раньше я подобного не видала! Она могла приехать на вокзал или в мещиво и начать мыть полы: «Ребятки, братушки, давайте мне ведерочку», – и идет, моет камеры. Все смеются над ней, еще из ведра обрызгают, а она: «Ой, спаси, Господи, вас», – и

не с поддешкой, не с сарказмом, а от чистого сердца! Она любила людей и благодарила даже за то, что на нее помон выливали.

Ходила она по городу с частушками, с песнями, плакала, обличала всех. Носила обычно красное пальто, подовсанное кушаком. На один рукав нашлась этикетка от стигушек, на другой – от тушенки. Спереди повесила «колесо» от магнитофона. Так и появлялась на улицах. Как-то милиционер хотел забрать ее в отделение, а она при всех что-то пропела

Гламские старцы: архимандрит Модест (Гамов), митрополит Татаринокарской Земли, священник Андрей (Алмас), священник Сергей (Райзин), г. Тбилиси.

ему в обличение – он сразу покраснел и отошел.

Старцу Марино блаженная Анисия называла «мать ты моя родная». Однажды пришла к ней, а матушка ей и говорит: «Хватит тебе, Аниска, бегать по городу да людей смешить!» А та жалобно отвечает: «Матушка ты моя родная, матушка ты моя золотая! У тебя ж вот какие хоромы, какое богатство, а я бедная сиротничка!»

За глаза Анисия всегда говорила про матушку: «Матушка строгая! Ох, строгая Матушка!» Они друг друга духовно поддерживали. Было очень интересно наблюдать, как они общались. С первого взгляда казалось, что ничего общего у них нет. Разговаривали они между собой порой и не очень ласково, но любовь друг к другу у них была чисто христианская, духовная, простому мирускому человеку непонятная...

Обстоятельства сложились так, что Раису, с которой я в первый раз

пришла к матушке Марии, я не видела 13 лет.

Потом я собралась уезжать за границу, и батюшка, у которого мы окурмялись, велел поехать к отцу Серафиму (Романову) и спросить, как он благословит поехать. Хоть Глинскую пустынь и закрыли, но отец Серафим все равно считался старшим над всеми глинскими монахами. «Задоню», – сказал батюшка, – по святым местам Абхазии поездишь». А Раиса в то время жила там.

Приехала я к ней, идем мы вместе к отцу Серафиму. Она дорогой рассказывает:

– Раз батюшка благословил, мы с тобой потом пойдем на Иверскую гору, затем на источник Василиска искупаемся...

А я очень любила нырять. Спрашиваю:

– А воды там много?

– Много.

– А нырять можно?

– Можно, – говорит. – Только вода холодная.

Я думаю: «Ох, и напрыюсь я там!»

Пришли к отцу Серафиму, а он в это время

болел. И в тот момент, когда мы зашли, стал. Мы постояли-постояли – Раиса видит, что спросить ничего не удастся, и говорит мне тихонько: «Ну, пойдем». Как вдруг отец Серафим открывает глаза и благословляет ее и меня. Раиса хочет объяснить, что я – сестра дьякона Алексея и Елены – он их хорошо знал; я пытаюсь спросить про свою поездку за границу. Но не успели еще мы всего этого сказать, как отец Серафим поднимает ручки и говорит: «Сюда, сюда, сюда, ближе к себе. Всем-всем радость, всем-всем радость», – и сразу поняла, что батюшка благословляет меня переехать в Грузию, и моя поездка за границу отменяется. Судьба моя решилась сразу. Раиса спрашивает: «Отец Серафим, а как же пропиться-то?» – в то время за прописку в Грузию надо было заплатить бешеные деньги. А он: «Все-все будет, все-все будет». Тогда она спрашивает: «Отец Серафим, благословите нас по святым местам». Он отвечает: «По святым местам благословляю. Только к Василиску – по шейку опускаться, – т.е. он

привидел мое желание наплаваться и напираться и вот так благословил. – А потом, – говорит, – подойдете к нам».

Мы побывали на Иверской горе, искупались у Василиды, потом сходили на могилку к старцу Андронику и пошли к паспортистке. И так все благополучно обошлось, что даже сами паспортисты удивились!

Когда мы перед отъездом снова пришли к отцу Серафиму, он благословил меня. Такие живые пронзительные глаза у него были в этот момент, что до сих пор не могу их забыть!

И я полетела домой – рассчитывать с работы, паковать вещи...

До сих пор не знаю, чьим чадом я больше считалась – Владыки Зиновия или отца Серафима: монашество я получила с благословения Владыки, а первым старцем у нас был все-таки отец Серафим.

Я часто думала: не благословили ли меня тогда пережить в Грузию, моя судьба, несомненно, сложилась бы совсем по-другому: пошла бы я по широкому пути. В советские времена за граница – это же и деньги, и уважение, и почтение. А если еще человек талантливый! Дали бы институт и закужались бы я в суесть... Когда же мне там было бы к Богу обратиться? Может, и обратилась бы когда, но только в критические, безвыходные моменты... Так что благословение отца Серафима выправило мою жизнь на «американское» русло.

Помню, про отца Серафима рассказывали такую историю. Батюшка Андроник жил у Владыки Зиновия в Тбилиси, а отец Серафим – в Сухуми. Но они духовно очень друг друга любили. У батюшки Андроника можно сказать не было паспорта: у него была пометка «народник» – это означало, что за ним шел народ и для советской власти он считался опасным. Чтобы уберечь отца Андроника, Владыка Зиновий упрятал его в «затвор» и не разрешил ни с кем встречаться.

И вот однажды отец Серафим приехал в Тбилиси, пришел к Владыке и говорит: «Отца Андроника хочу видеть». А Владыка решил

проверить, как отец Андроник выполняет его благословение, и про «затвор» отцу Серафиму ничего не сказал. Говорит: «Ну, хорошо». Отец Серафим пришел и стучит: «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Отец Андроник молчит. Отец Серафим кричит через дверь: «Андроник, открой мне!» Снова молчание. Отец Серафим начал дергать дверь – отец Андроник ее с другой

Митрополит Зиновий и старец Андроник в г. Тбилиси

стороны держит. Вот что такое было для них послушание.

Отец Серафим все понял. Пришел к Владыке и говорит: «Как же это так, Владыка? Я к Андронику приехал аж из Сухуми, а Вы мне не благословили с ним увидеться!»

В Глинской пустыни всегда говорили, что батюшка Серафим – это отец, а батюшка Андроник – это мать. Т.е. насколько один был строгим, настолько другой – милостивым, добрым. Но это не мешало им искренно и сильно любить друг друга. И когда старцы встречались – это была неописуемая картина: настолько они духовно радовались!

Умер батюшка Серафим на Игнатия Богоносца – 2-го числа. Помню, мне очень трудно было выбраться из Тбилиси в Сухуми на его похороны: на работе меня не отпускали, самолеты не летали... Я скорбела, плакала: «Господи, ну, помоги же Ты мне!» Вырвалась я тогда буквально чудом: прилетела с почтовым самолетом – в туман, в метель, но все-таки прилетела и успела на похороны.

Еще хочу рассказать вам немного про батюшку Вячеслава. Умер он

архимандритом Варсонофием. Это тот самый отец Вячеслав, который батюшка Виталий перед смертью каждый день причащал и по смерти отдал.

Отец и мать его до революции были при церкви паломниками. За то, что отец не пошел работать на Рождество, его сослали на 10 лет на Беломорканал. Осталась мать с тремя детьми. А неподалеку от них жил в то время батюшка Петр. Служить

в открытую тогда не разрешалось, и он тайно на квартирах совершал литургии, исповедовал, причащал. И вот однажды мать привела будущего отца Вячеслава на такую службу. Литургия кончилась. Дары в Чаше еще оставались, и отец Петр за неизменем диакона подзвал к себе маленького отца Вячеслава, которому было тогда лет шесть или семь, и дал потребить дары – видно привидел, что он станет священником. Но мать соблазнилась этим и по-

том очень долго не ходила к батюшке и не причащалась: она подумала, что он обманулся. Отца Петра через несколько месяцев арестовали, и в тюрьме он принял мученическую кончину: его утопили в отхожем месте. А отец Вячеслав, действительно, стал священником.

Однажды после обеда Владыка Зиновий послал его причастить умирающую женщину. Он приезжает, прочитывает молитву, начинает растворять. Причастье, и как раз в этот момент женщина умирает – батюшка оборачивается к ней, а она уже мертвая. Он думает: «Что же делать? Куда причастье девать?» Сам он не может его потребить, потому что уже пообедал, и мзденцев в том доме не было, чтобы отдать Причастье им. Не ехать же открыто через весь город с Чашей! «Господи, – говорит, – молитвами отец моих духовных, помоги! Я не знаю, что мне делать!» И вдруг женщина открывает глаза и произносит: «Батюшка, скорей причащай меня, а то я снова умру!» Причастившись, она отошла ко Господу.

о вечера, излив пред апостолами сердце свое в любвеобильной отеческой беседе, Иисус Христос в сопровождении приближенных учеников Своих

пошел предавать крестные мучения в саду Гефсимании. О, какие горькие плоды нашел Он в сем саду! Вместо мирной любви к Спасителю, вместо благодарности за бездельные, неистощимые Его благодеяния Его жидит жгучая крапива. Вместо сладких плодов всецелой преданности, Его ученики в злодействе, здесь уязвляют Его колочие терние. Едва вошел Иисус в сад Гефсимании, как душа Его, потрясенная предведением предстоящих лютых страданий за грехи наши, поражена была такою бездельно скорбно, которой никакой сотворенный ум не в состоянии известить. К сердцу Иисуса Христа, как ходатая и жертвы за всех нас, приступили невыносимые боли, и оно стало таким безмерным мучкам, что бремя их могло бы на весах перетянуть тяжесть мира. Ибо ужасы правосудия Божия, совершая на Спасителе свое определение, ополчились против Него. Жгучий ад всех грехов роза человеческого проник в юности, расслабив сердце, и потряс Иисуса смертельным трепетом. Взору Его представились безвселенность самых отвратительных беззаконий, за которые требовалось удовлетворение правде Божией, предстала крайняя неблагоприятность многих из тех, за которых Он умереть решился. Представилось внешнее осуждение презревающих ценою страданий Его, предстали лютые, ожидавшие Его страдания, и Спасителя объяла бесмерная туча, невыносимая мучительнейшая скорбь телесных страданий.

В прискорбии души среди ночного мрака Он повергается на землю, возводит очи свои горе, простирает к небесам руки, возносит молитву свою ко Отцу Небесному, да благоволит пронести чашу предопределенных Ему страданий. Но Отец Небесный не отвечает молитве Иисусовой.

Скорбя смертельно, Спаситель обращается к ученикам Своим и возбуждает их к молитве, но неподобающее знание повергло их в такое уныние, что они не чувствуют присутствия своего Господа; едва слышное напоминание Его о предстоящей им напасти (Мф. 26, 36-41). Возносимый

Иисус Христос в саду Гефсиманском

снова молитвенный вопль души Иисусовой ко Отцу Своему, да мимо идет от Него чаша мучений, снова остается без ответа. Отец Небесный как бы не допускает к себе молитвы Спасителя, потому что вечное правосудие (не отступает) не отменяет своего приговора, изреченного прежде веков на ходатая о роде человеческого. Расслабев от неутешного томления, Господь Иисус вторично идет к ученикам Своим, чтобы найти утешения в их сострадании, но они, погуженные в глубокий сон, не принимают никакого участия в горести Его, не

принесет Ему ни малейшей отрады (Мф. 26, 45; Мк. 14, 40).

Так Иисус Христос, ободравший сердца мучеников, страдавших за имя Его, предощущением уготованного им на небес вечного блаженства, усаждавший сердца их таким утешением, что они ликовали среди жесточайших истязаний. Сам в безмерной печали своей не имел никакого утешения.

В третий раз Спаситель обращался к молитвенному подвигу, потому что хотя ревнуя о восстановлении в мире славы Божией, Он желал отметить в себе поругание ее беззакониями человеческими, желал до капли искупить безмерно глубокою чашу предначинанных Ему правдою Божию страданий, но по человеческой

природе; всецело преданной в сие время Божеством Его на страдания, Он содрогался, опущая безмерные боли, объявшие сердце Его от одного взгляда на безмерно-тяжкий Крест, уготованный Ему. Божественное предвидение Спасителя в таком свете представляло страдания, что глава Его предварительно опущала уже колочие терния, которым имела быть увенчана, лице чувствовало зношение и безмездие ослепления, язык чувствовал горечь желчного питья, подноси-мого Ему, власы – их терзания, хребет жестокие удары бичей, длани и ступни ног – вкладывание в них гвоздей, ребра – прободение копием и все тело – невыносимые, безмерные муки. Вместе с сим божием лютейшей смерти прилежалась кровь Иисуса к Его истощающему от страха сердцу, а ревность о славе Божией, и любовь к падшему человечеству устремляла всю кровь Его наружу. Такая борьба противоположных чувств и желаний покрывала пречистое тело Спасителя кровавым потом, струившимся из всех пор Его в таком обилии, что пот Его оросил землю.

Смертные боли, объяв Иисуса Христа, нашли Его внутренность огнем невыносимым; и Божественная природа Его предоставила человечество Его свирепости пламени, объявшего сердце Его. Смерть, признаком которой был кровавый пот, по-видимому готова была уже пресечь мучительную борьбу Его, но у правды Божией только что началось с Иисусом тяжба за ходатайство Его о роде человеческом, заслужившем вечную гибель. От нестерпимой боли внутренних терзаний; в третий раз позвал крепким воплем: «Отче мой! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы не пить ее, буди воля Твоя!» И услышана была молитва Иисуса Христа. Явился Ангел Господень укрепить ослабевшее Его естество человеческое, утешить Того, кто составляет блаженство ангелов. (Лк. 22, 41-44).

*Поучение некоего автора,
заимствованное из писем
святителя Григория Виталия
(Сидоренко)*

елника Суббота. 1976 год. 24 апреля по новому стилю... В десять часов вечера я пришла к своему духовному отцу, чтобы, как обычно (с тех пор, как он заболел), провести вместе Пасхальную ночь. Дочка его поехала на службу в Елохово, а сам отец Александр крепко спал.

В большой комнате, на застеленном праздничной скатертью столе стояли кулич, блюдо с крашеными яйцами и цветы у портрета покойной матушки.

Мне стало грустно, одиноко, и, погасив свет, я прилегла на диван. С улицы доносился шум проезжающих машин, но постепенно становилось все тише, и я уснула.

Разбудил меня бодрый голос отца Александра:

— Почиваете? А я, хоть и плохой священник, но хочу сейчас отслужить заутреню, уже двенадцать. А вы как, встанете?

Я вмиг соскочила с дивана. Отец Александр стоял в рясе и епитрахли. Мы пошли в его комнату. Я помогла ему завязать поручи, расстелила на письменном столе чистое пологие, отец Александр положил крест, Евангелие, вынул книжечку с «Последованием заутреню», и служба началась...

Сначала мы «сужили» стоя, но, быстро устав, сели рядом за столом и, забыв все на свете, читали и пели пасхальную службу.

Отец Александр делал возгласы, а я была и солисткой хора, и чтецом, и народом. Иногда у меня перекапывало горло и я замолкала, тогда он ободорясь начинал подпевать сам. Когда полагалось делать возглас, голос его звучал тихо, но проникновенно, наполненный внутренней силой:

— *Яко Ты хвисти вся сила Небесная и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.*

Временами он замолкал, и мы тихонько плакали. Не знаю, от чего плакал он, а я плакала от радости, что есть в мире Христос и что я в Него верю.

Пролеи все стихиря. Прочешь слово Иоанна Златоуста целиком отец Александр не смог.

Последняя заутреня

— Дочитайте с дочкой, когда она вернется, — сказал он, — а сейчас еще помолимся.

И он начал читать ектенни. Читал не по служебнику, а свои, импровизированные. Читал, откинувшись всем усталым телом на спинку кресла и глядя полными слез глазами на ярко освещенные лампой образа.

Вначале он молился о мире, о стране, о Церкви, о Патриархе, о духовенстве и о тех, кто хочет стать на

— Спаси и наставь деток, без родителей оставшихся.

— Сохрани стариков в их старости. Не дай им пасть духом от болезней, печалей и одиночества.

— Спаси и сохрани сражающихся в бою, тонущих в морской пучине, подвергающихся насилию и нападению злых людей.

— Огради одиноких путников, идущих по дорогам и заблудившихся в лесной чаще.

— Спаси бездомных и дай им верный приют, накорми голодных, огради от всякой неправды и злого навета заключенных в тюрьмах и лагерях и пошли им утешение и свободу.

— Помилуй прокаженных, больных всеми болезнями, какие есть на свете, калек, слепых, слабоумных.

— Помилуй, дай светлую пасхальную радость живущим в инвалидных домах, всем одиноким и обездоленным людям.

— Прими души всех умирающих в эту ночь, дай жизнь и облегчение дежачим на операционных столах, врачам и врачам...

Тихо шелестела старенькая шелковая ряса при каждом движении отца Александра.

Он закрыл руками лицо и замолчал. Потом спросил:

— Кажется, всех поминули?

Я вспомнил своего соседа Юрьку, его жуткого брата, и сказала:

— Пьяниц забыли.

— Всех, кто в Твою Святую ночь бражничает, безчиствует, — умири, врачуй и помилуй, — устало прошептал отец Александр.

Светила лампада перед Нерукотворным Спасом, смотрели на нас с темного неба редкие звезды, а мы сидели, старые, немощные, и миллионы воскресшему Господу, победившему и старость, и болезни, и самую смерть.

Л. С. ЗАПАРИНА
«НЕПРИДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

священнический и иноческий путь. Затем утомил и снова начал:

— Спаси и помилуй всех, к Тебе, Господи, взывающих и Тебя ищущих, — тут он стал читать длинный список имен своих родных, духовных чад, знакомых. Потом повернулся ко мне и сказал: — Будем сейчас вспоминать и своих, и чужих, в особых условиях находившихся. Если кого забуду, подскажите. Вот Ларе скоро родить... — Он замолчал и опять поднял глаза к образам: — Спаси, Господи, и помоги всем женщинам, готовые стать матерями, и тем, которые рожают в эту ночь, и чадам их, появившимся на свет.

И, верно, вспомнив Сашу и Сашу, Танечку и Мишу, продолжал:

— Благослови и пошли мир, спокойствие и тишину всем, в брак вступающим собирающимся...

— А мужей, оставленных женами, и жен, оставленных мужьями, — утешь и врачуй.

Учись вместе с детьми

Ангелы Божии

Беседа 5

мы же говорили, что только Бог-Троица был всегда. Отец, Сын и Святой Дух всегда жили Друг в Друге и имели в Себе Жизнь. Всего остального не было, даже пустоты. Но вот Отец, Сын и Святой Дух создали Ангелов и удивительный невидимый мир, в котором они живут. А видимого мира, то есть космоса со звездами и планетами еще не было тогда.

Ангелов Бог-Троица создал очень умными, очень сильными. Один Ангел легко может победить огромную армию и даже запросто может сдвинуть с места нашу планету Земля. Но только Ангелы не хотят двигать нашу Землю, потому что они нас, людей, очень любят и жалеют, и не хотят, чтобы мы погибли. Ангелов Бог Отец, Сын и Святой Дух создал очень добрыми, они любят очень Бога, своего ласкового Создателя и во всем Бога слушаются. А еще Ангелы отличаются от нас тем, что не имеют тела, они живые духи, невидимые существа без тела. Они очень быстро летают без всяких крыльев, легко проходят сквозь стены, сквозят огонь и воду, нет для них никаких препятствий. Ангелы безсмертны, никогда не болеют, не умирают, нельзя никак их поранить или схватить. Не нуждаются они ни в пище, ни в питье, ни в воздухе. Они не устают и отдых не нужен им, и спать они никогда не хотят.

Ангелы служат Богу-Троице, выполняют все поручения, которые Господь им дает и ничего не делают без Божьего разрешения. А Господь-Троица часто посылает Ангелов помогать людям. Вот один из таких случаев.

В Греции на Святой Горе Афон жил старец-монах Герасим Мелангий. Однажды его по срочному делу послали в другой монастырь. Он

взял у священника благословение на дорогу и отправился в путь. Была суровая зима, дорогу замело снегом, а идти надо было три-четыре часа.

Началась страшная вьюга, и отец Герасим сбился с пути. Он мог замерзнуть и погибнуть, и стал горячо молиться Господу и Пресвятой Богородице.

Не прошло и десяти минут, как перед монахом появился десятилетний мальчик. Он с большим уважением поприветствовал отца Герасима и сказал ему:

— Куда же ты собрался, старец, в такую погоду? Ты заблудился в лесу, и тебя заметет снегом.

— А что делать, дитя мое. Меня послали старшие, мне надо идти.

— Тогда пойдем, я помогу тебе выбрать.

Мальчик повел его за собой, довел до дороги и сказал:

— Теперь ты не заблудись.

Пойдешь вот по этой дороге вниз и выйдешь на тропинку. Тропинка приведет тебя в монастырь, в который тебя послали.

Отец Герасим горячо поблагодарил мальчика и пошел. Но, сделав несколько шагов, пришел в себя. «Как это ребенок мог оказаться здесь, среди таких снегов?» — подумал он. Монах обернулся, но мальчика не увидел. Мальчик исчез, не оставив на снегу ни одного следа. И тогда старец Герасим понял, что это был Ангел Господень. Отец Герасим помнил этот случай до конца своей жизни, умер он в 1957 году.

Ангелы любят нас, как своих младших братьев, ведь они созданы раньше нас, сильнее и умнее нас.

Каждому крещеному человеку Господь Бог дает Ангела Хранителя. Лишь у некрещеных людей Ангела Хранителя пока нет, но об этом мы позже поговорим.

Ангелы могут являться людям не только в виде мальчика, но и в виде юноши, с крыльями и без крыльев, в одежде белоснежных, блистающих, как молния, а иногда в простых одеждах; могут являться в образе путешественника, бедняка или какого-нибудь другого простого человека; Ангелы приходят и под видом служителей церкви, одетыми как бы в их священные одежды. Был даже случай, когда Ангел явился в облике орла. Есть Ангелы, которые являлись в образе удивительных летающих существ с шестью крыльями. Этих Ангелов называют Серафимами. А Херувимами называют Ангелы, которые принимают облик чудесных крылатых животных, разных по виду, со многими очами (глазами). Самый разный вид могут принимать безтелесные Ангелы, а какие они на самом деле, знает только один Господь-Троица.

ИЕРОДИАКОН ГАВРИИЛ
(МЕЛЬНИКОВ)

рест с самых древних времен является драгоценнейшим символом христиан. Ап. Павел говорит, что его величайшее упование, величайшая обязанность – то дело, для которого он послан Богом в мир, заключается в том, чтоб, открывая людям безмерную любовь Христа, научить их взирать на крест Христов и стараться постичь ширину и длину его, глубину и высоту.

Как же широк крест Христов? Он широк, как мир, так как Христос умер за весь мир, как написано: «Он есть милостивейший за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Ин. 2, 2).

Такова ширина креста.

Как длинен крест Христов? Так, что продлится во все века, пока останется на свете хоть один грешник, которого можно спасти; пока не исчезнут невежество, скорбь, страдание и все то, что противно Господу в Божьем мире.

Такова длина креста.

Как высок крест Христов? Так же, как небо, как престол Господень. Да, он высок, как высочайшее небо, так как, когда Христос был распят на кресте, Небо сошло на землю, земля вознеслась до неба.

Такова высота креста.

Как глубок крест Христов. Это – великая тайна, которой нам не дано постигнуть и о которой мы лишь

О РЕДКИХ КРЕСТАХ ХРИСТОВА

можем благоговейно гадать. Если крест высотой восходит до неба, то глубиной своей он нисходит до ада, до глубочайшего грешника в глубочайшем омуте, куда бы он ни попал, – так как Христос сошел во ад и проповедывал духом в темнице (2 Пет. 3, 19).

Такова, держим мы уповать, глубина креста Господня.

Склонимся же до земли перед крестом Христовым и воскликнем ю Господу: «Спаситель наш, Царь наш! Безграничная, вечная Любовь! Слава Твоему Кресту, Твоему долготерпению, слава страстям Твоим, Господи!»

А. СИБИРЦЕВА,
РУССКИЙ ПАЛОМНИК,
№ 15, 1910

Христианская поэзия

Пока еще открыты храмов двери,
Пока еще не изгнан Божий страх,
Пока еще не разучились перить –
Зажгите свечи в душах и сердцах.

Пока Господь нам дарует прощенье,
И счастье покаяния в грехах,
И пост, и светлой Пасхи воскресенье –
Зажгите свечи в душах и сердцах.

Пока еще не прекратилась песня,
И светит ярко солнце в небесах,
Пока еще... Пока еще мы вместе –
Зажгите свечи в душах и сердцах.

Куда б ни раскидало нас по спуту,
Была бы лишь молитва горячая,
Но пусть за вас и за обиталь эту
Горит всегда хотя б одна свеча.

Инокция Любовь (Коновалова)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Девь чудесный
Воздухом прозрачным напоен, –
И дышит радостью небесной
Весь мир наш, Богом сотворен.

Везде благоухание разлитое
Цветов весенних аромат.
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! – веками не забыто, –
С радостью, как новость, говорят.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ! – отвечают,
Природы радуюсь Творцу, –
Повсюду праздник сей торжественно встречая,
Возносят славу Богу и Отцу.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! – в птичьем перелове
В праздничном убранстве наступает день;
Богу потрудился, добрый христианин,
Ты одежду светлую к празднику одень.

Вся земля ликует, прославляя Бога
За спасенье миру, дарованное нам;
Пусть же вечно будет проторенной дорога
Для тебя, мирянин, только в святой храм.

Елена Павлилова, г. Елец

– Христос воскрес!.. – произнес священник.
– Воистину воскрес! – и люди направились ко кресту, христосуя по пути друг с другом.

Только Силантий Кузьмич Толстопятов все еще стоял.

Он боялся не тесноты, а встречи с Пафнутием, бывшим своим должником, который перед Пасхой расплатился с ним. И расплатился не только потому, что Силантий Кузьмич свел у него со двора последнюю коровушку и отобрал семена овса и гречихи.

Сознавал в душе Силантий Кузьмич, что нехорошо, а главное – «не по-божески» сделал он, разорив мужика, и неловко ему было встретиться с ним в этот праздничный день. По христианскому обычаю христосоваться надо, а как он подойдет к Пафнуту с пасхальным приветствием, когда неделю назад тот сторича и с горя сказал ему:

– Не пойдешь оно тебе впрок и отольются тебе когда-нибудь наши сиротские слезы... Помни это!..

Похолодело тогда сердце Силантия и оробел он. «Что это? Угроза?» – подумалось ему.

Вот и сейчас Толстопятову казалось, что Пафнут слезит, когда он будет выходить из храма.

Пасхальная обедня кончилась рано. Далеко еще до рассвета. Лес велик, а Силантий Кузьмич безоружен... Шутка ли – пройти пять верст лесом и с таким заклятым врагом, как Пафнут.

«Непременно он только этой ночи ждал, и в церковь пришел для того, чтобы меня выследить, а по дороге нагнать и убить», – думал Силантий Кузьмич и молился о том, чтобы Бог помиловал его «от напрасной смерти».

«Господи, – думал он, оглядывая церковь, – может быть, в последний раз мне тут живым-то быть придется... Найдут меня в лесу с пробитой головешкой... О-о-о, Господи!.. Вот дойду до лесу, а там и...»

Силантию Кузьмичу страшно было даже подумать, что может быть с ним «там». Он нагнулся на дороге, отбил ногой примороженный большой камень и спрятал его в карман: «Все, хоть есть чем оборониться».

Шел Силантий Кузьмич, едва переводя дух от страха и волнения.

Враги

Ему чудилось, что Пафнут бежит сзади, нагоняет, хватая за плечи...

Но слава Богу! Лес почти пройден.

Задыхаясь от пережитых волнений, Силантий Кузьмич, точно безумный, выскочил из леса и вдруг остановился.

На буторке под сосенкой сидел Пафнут и переобувал свои промокшие лшты. «Вон он где изымать-то меня хочет», – промелькнуло в голове Силантия Кузьмича.

А Пафнут увидел его, узнал и пошел навстречу. Лицо радостное такое, улыбающееся... Глаза так и светятся...

– Кто это?.. Это вы, Силантий Кузьмич? – спросил он. – Христос воскрес, Силантий Кузьмич!

Пафнут потянулся поцеловать мельника и сунул в его руку что-то небольшое, круглое, холодное...

– Это что ж у тебя такое? – спросил Силантий Кузьмич, отстраняя от себя руку врага.

– Яичко вам... По христианскому обычаю...

– Яичко?.. Ах, да... да... Спасибо, брат... Погоди, сейчас и я тебе в ответ...

Силантий Кузьмич опустил руку в карман, но там только камень. И вмиг, будто молнией, осенено мужика: «Господи! Враг мой, которого я же сам обидел и разорил по жадности своей, для меня яичко нашел ради Твоего Святого Воскресения. А я что приготовил?..»

И больно, стыдно и неловко стало ему. Все у него перевернулось внутри. Силантий Кузьмич упал перед Пафнутом на колени и, обнимая его ноги, молил:

– Пафнутушка, голубчик, прости ты меня, Христа ради!.. Все, все и за всех прости... Сегодня воскресим Господом прошу тебя я о том. А что я неправильно взял у тебя, я все отдам. Пойдем!..

Не помня себя от радости, возвращался Пафнут домой, ведя свою буренушку.

– Вот, – говорил он дома, – это нам красное яичко дало.

А. СЕВАСТЬЯНОВ

Про́сьба не использовать газету в хозяйственных целях

Про́сьба обеспечить возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Денеж. высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Иллюстрации можно высылать альманаху «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои записки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перечислении ссылка на «Задонский паломник» обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. Тираж 990 экз.

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Днесь Христос воскрес,
На кресте Он умер. Так Он нас любил,
Что за нас, за грешных, кровь Свою пролил!
И с тех пор яичко, красное, как кровь,
Мне напоминает про Его любовь.
А еще узнал я тайну от яйца,
Что и мы воскреснем к жизни без конца!
И теперь обычай добрый я храню:
Красное яичко в день Христов дарю,
Чтобы знали люди, что Христос возстал,
И во гробе сущим жизнь всем даровал!